

МАЙКЛ ХОВАРД

ФРАНКО- ПРУССКАЯ ВОЙНА

ОТТО БИСМАРК ПРОТИВ
НАПОЛЕОНА III

1870—1871

Майкл Ховард

**Франко-прусская война.
Отто Бисмарк против
Наполеона III. 1870—1871**

«Центрполиграф»

1990

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

Ховард М.

Франко-прусская война. Отто Бисмарк против Наполеона III. 1870—1871 / М. Ховард — «Центрполиграф», 1990

ISBN 978-5-9524-5417-0

Британский военный историк, профессор Оксфордского университета посвятил свой труд военному конфликту между империей Наполеона III и германскими государствами во главе с Пруссией. Война, спровоцированная прусским канцлером О. Бисмарком и формально начатая Наполеоном III, закончилась поражением и крахом Франции, в результате чего Пруссия сумела преобразовать Северогерманский союз в единую Германскую империю. Работая над книгой, автор исследовал и привлек колоссальный объем научного и документального материала и предложил свой взгляд на причины и последствия этой войны. Ховард проанализировал состояние войск противников, включая структуру, вооружение и технику, дал яркое описание сражений и представил галерею портретов ключевых фигур событий, среди них Вильгельм I, Бисмарк, Леопольд Гогенцоллерн, Бенедетти и другие. В заключение ученый отмечает, что великая победа Германии впоследствии обернулась бедствием, как для нее самой, так и для остального мира.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-9524-5417-0

© Ховард М., 1990
© Центрполиграф, 1990

Содержание

Глава 1	6
Вооружение и техника	6
Нереформированные армии	12
Реформа прусской армии	19
Реформа французской армии	26
Глава 2	33
Военные планы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Майкл Ховард
Франко-прусская война. Отто Бисмарк
против Наполеона III. 1870—1871

MICHAEL HOWARD
THE FRANCO PRUSSIAN WAR
THE GERMAN INVASION OF FRANCE
1870–1871

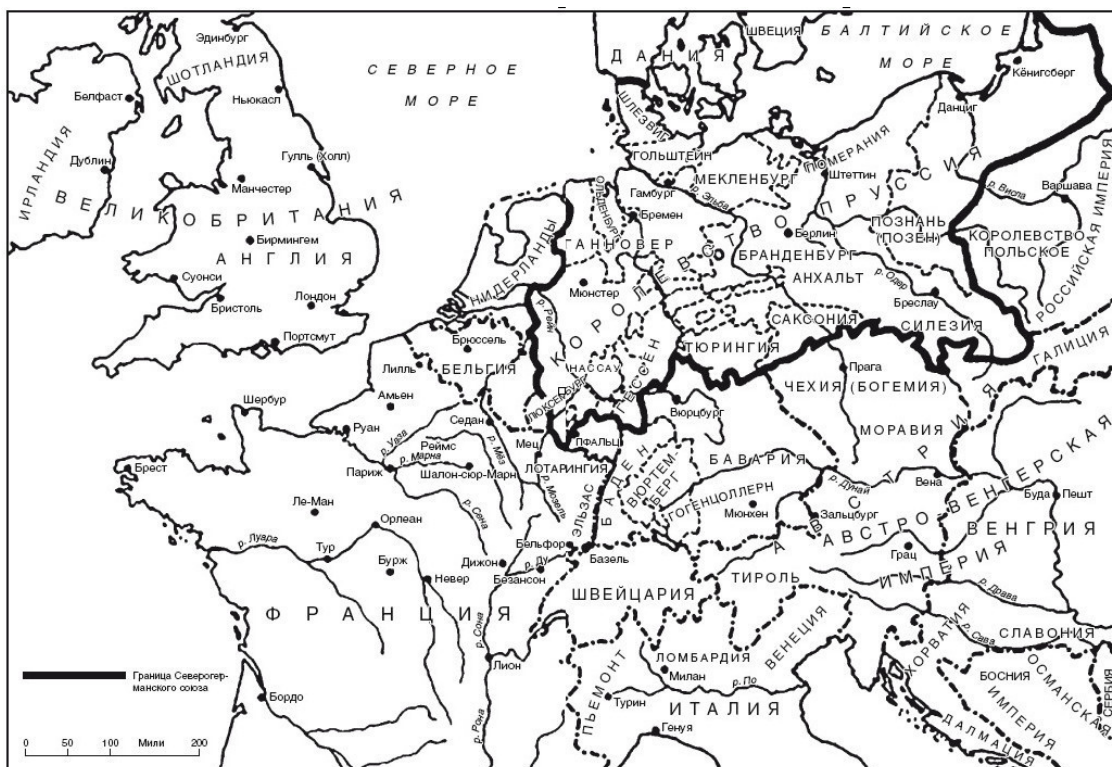
Глава 1

Противники

Вооружение и техника

Летом 1870 года королевство Пруссия и ее германские союзники полностью разгромили военный потенциал Французской империи. На протяжении почти 80 лет побежденная ими Франция была европейской законодательницей в военных вопросах, тогда как десятью годами ранее победительница Пруссия представляла собой едва ли не самую слабую в военном отношении крупную державу континента. В течение всего лишь месяца боевых действий (2 августа первый небольшой бой у Саарбрюккена, а 2 сентября произошла капитуляция французской Шалонской армии и императора Наполеона III под Седаном) Пруссия добилась преимущества в военных и политических аспектах, что дало возможность для объединения Германии при ведущей роли Пруссии, с которой полвека спустя мог соперничать лишь союз, включавший почти все ведущие мировые державы.

Европа почти не знала прецедентов столь драматического поворота. Для отыскания аналога нам следовало бы вернуться по крайней мере к битве при Брейтенфельде 1631 года, когда за несколько часов Густав II Адольф сокрушил силы католиков, а ведь этот шведский король в течение многих лет с нарастающим успехом сражался против датчан, поляков и русских и к 1631 году считался одной из великих исторических личностей. К 1870 году на счету у прусской армии имелась лишь блестящая кампания 1866 года против Австрии, но это была только одна из побед в длинной цепи поражений, понесенных Габсбургами от Пруссии и Франции со времени Евгения Савойского. Убедительность успеха Пруссии в 1870 году потрясла мир. Некомпетентность французского верховного командования была обусловлена многими причинами, однако корни катастрофы следует искать глубже, и французам они хорошо известны. Разгром французов у Седана, как и разгром французами пруссаков у Йены и Ауэрштедта 64 годами ранее, явились результатом не просто просчетов в управлении, но и несовершенством самой военной системы, а военная система государства неотделима от его социальной системы, являясь лишь одним из ее аспектов. У французов имелись серьезные основания считать свои беды справедливой карой. Социально-экономические события предыдущих 50 лет породили и вооруженные силы, и промышленную революцию. Пруссаки шли в ногу с новыми тенденциями, а вот Франция нет. Именно в этом и следует искать основную причину ее поражения.

Европа в 1870 г.

Последствия преобразований в промышленности и научные открытия, поражавшие мир и возымевшие значение, в том числе и для ведения войны, мало исследовались в первой половине XIX века. Консервативные военные министерства и прижимистые казначейства обрекали новые проекты пылиться в шкафах или просто обесцениваться в ходе бесконечного экспериментирования. Этот застой всколыхнули лишь изменения, произошедшие в отношениях между великими державами в 50-е годы XIX столетия. Крымская война 1853–1856 годов продемонстрировала, что широкомасштабные военные конфликты до сих пор вероятны, а рост националистических движений при активной поддержке новой Французской империи лишь повышал их вероятность. Повсюду в Европе на первый план выдвигалась теория ведения войны. Войны Наполеона I обеспечили неиссякаемый источник для исследований, и выводы, сделанные из них такими фигурами, как Жомини, Виллизен, Клаузевиц и Рюстов, на века заложили надежный фундамент теории войны. Но два главных технических вопроса оставались по-прежнему открытыми для всякого рода спекуляций: как появление новых средств коммуникации – железных дорог и электрического телеграфа – повлияет на стратегию и как изобретение заряжавшегося с казенной части огнестрельного оружия повлияет на тактику?

Значимость железных дорог для ведения боевых действий никто не оспаривал даже со времени их появления в 30-е годы XIX века. Немецкие писатели в особенности остерегались открываемых этим видом транспорта возможностей как раз в тот момент, когда слабая германская конфедерация вновь, казалось, была отдана на произвол окрепшей и амбициозной Франции. Некоторые из них, в особенности Фридрих Лист, связывали с новым транспортом еще более глубокие последствия. До настоящего времени располагавшаяся в центре Европы Германия в большой степени зависела от своих более влиятельных и единых в политическом отношении соседей. Железные дороги не только даровали бы ей экономическое единство нового типа, они превратили бы ее центральное местоположение в активный фактор, позволив ей оперативно сосредоточить в случае необходимости силы в любом ее приграничном районе для отражения возможного вторжения. То есть именно железные дороги и определяли реаль-

ные возможности национальной обороны. «Прокладка новой железнодорожной линии, – писал Гельмут фон Мольтке, – является военным преимуществом; и для национальной обороны несколько миллионов, потраченных на завершение наших железных дорог, куда полезнее, чем если бы их израсходовали на возведение новых крепостей». И во Франции, и в Австрии главенствовала точка зрения о явных военных преимуществах развития сети железнодорожного транспорта и достижения соседей всегда вызывали опасения. В 1842 году встревоженные французские публицисты призвали к прокладке железнодорожной линии от Парижа до Страсбурга с тем, чтобы противостоять сосредоточению германских войск на Рейне. И даже британцы с обеспокоенностью восприняли возможность внезапного и быстрого сосредоточения сил в портах пролива Ла-Манш. В ходе кампании 1859 года Французская и Габсбургская империи, используя железные дороги, за две недели перебросили войска в Италию, что раньше занимало не менее двух месяцев. Было ясно, что век железнодорожных дорог открывает новую главу в военной истории.

Быстрота сосредоточения войск являлась лишь одним из преимуществ, предоставляемых железными дорогами. Они оперативно перебрасывали войска к театру военных действий и позволили личному составу прибыть туда в хорошей физической форме, не утомленными длительными пешими маршами. Отныне армия больше не представляла собой одни лишь регулярные части, а включала и подлежавших мобилизации резервистов, хотя уровень заболеваний и случаи истощения непосредственно в районе боевых действий были достаточно высоки. Далее, в значительной мере упростился и войсковой подвоз для многочисленных сил. До сих пор войска содержались за счет местных или же складских ресурсов, теперь же снабжение провиантом, боеприпасами, техникой и всем необходимым осуществлялось по железной дороге в соответствии с отлаженным расписанием следования составов. Иными словами, поставки техники и живой силы напрямую зависели от внутренних ресурсов воюющей страны, и Гражданская война в США служила тому ярким примером. Благодаря железным дорогам войсковой подвоз и подкрепление могли ежедневно прибывать из тыловых районов, а раненые своевременно и быстро эвакуироваться в тыловые госпитали. В результате войсковые части стали более мобильными, а личный состав регулярно получал все необходимое. Кроме того, сглаживались и различия между армией и государством. Театр военных действий больше не был отдаленным районом. Это давало возможность корреспондентам газет совершать поездки на фронт и оттуда по телеграфу передавать сведения в редакции. Солдаты и офицеры получили возможность ездить в краткосрочные отпуска. Раненым оказывалась необходимая медицинская помощь в тылу. Страна в состоянии войны превращалась, таким образом, в военный лагерь – а иногда и в осажденную крепость, – где каждый гражданин ощущал свою сопричастность с выполнением общегосударственных задач. В 1870 году в Европе вырисовывалась концепция «тотальной войны», которую даже Клаузевиц не мог себе вообразить.

Наконец, прокладка железных дорог внесла совершенно иной, новый аспект в основной принцип наполеоновской стратегии – возможность сосредоточения численно превосходящих противника сил в критический для войны момент. Подобное оперативное сосредоточение было немислимо в эпоху пешей переброски войск – оно требовало колоссальных затрат времени и сил, тщательно продуманной организации и могло быть предпринято лишь задолго до начала войны. Требовалось призвать максимально многочисленный контингент, соответствующим образом обучить его и только после этого передать в регулярные войска. Армии мирного времени европейских держав стали в основном ресурсом квалифицированных кадров, а для непосредственного участия в боевых действиях требовалось призвать резервистов, обмундировать и вооружить их с имеющихся складов и сформировать из них боевые части и подразделения. Введение и организация воинской повинности, обучение и мобилизация стали необходимым предварительным условием успешного сосредоточения сил. На первый план в стратегии выдвинулось именно эффективное сосредоточение войск, именно оно

и стало залогом грядущих побед. Армия, сумевшая заблаговременно осуществить сосредоточение сил, обеспечивала себе решающее преимущество в первом и, возможно, решающем сражении войны, более того, она получала возможность нанесения внезапного удара, целью которого было помешать противнику принять аналогичные меры. У наделенных даром предвидения или агрессивных держав появилась невиданная ранее возможность добиться военного превосходства над своим соседом еще до начала боевых действий.

Ряд совершенно новых преимуществ даровала и промышленность, разработавшая и внедрившая новые технологии производства оружия, обусловленные бурным развитием науки и техники в XIX веке, – в металлургии, баллистике, прецизионной технике. За период с 1815 по 1870 год произошло полное перевооружение как пехоты, так и артиллерии. Ружья наполеоновской эры были гладкоствольными, с прицельной дальностью не больше 50 метров и дальностью стрельбы около 150–200 метров. Заряжались они с дула, и опытный стрелок мог сделать не более трех выстрелов в минуту, и это при условии, что механизм кремневого ружья не давал осечки, как это имело место в сырую погоду. Такие ружья практически не изменились со времен Войны за испанское наследство 1701–1714 годов, как и сущность тактики пехоты. Пехотные батальоны развертывались в 2–3 линии в глубину с тем, чтобы извлечь максимальную пользу из их нестабильного ведения огня. Подобные боевые порядки были достаточно эффективны в обороне, но никак не в нападении. Для наступления французская армия разрабатывала новую методику: линии застрельщиков, предназначенные для подавления обороны противника прицельным изнуряющим огнем по колоннам пехоты, и, самое важное из всего, мобильную и сильную артиллерию для подавления сил обороны противника перед атакой пехотинцев. Оружие застрельщиков, как и ружья пехоты, было гладкоствольным, это были ружья дульного заряжания, как фактически и все оружие, начиная с XV века – нестабильно функционировавшее и довольно неточное с дальностью действительного огня (артиллерия) в 1000 метров или менее. Лишь по части большей подвижности и скорострельности они отличались от оружия, использовавшегося в армиях Монтекукколи и Тюренна. Но к 1870 году основные армии Европы были вооружены винтовками с научной точки зрения точными и нарезной артиллерией, которая могла эффективно использоваться до 3000 метров и более. Это считалось на поле битвы колоссальным прорывом, воистину революционным.

Революционный прорыв ознаменовало и еще одно новшество – возможность заряжать огнестрельное оружие не через ствол, а через казенную часть. Эта инновация была поначалу воспринята военными с недоверием. Далеко не сразу выяснилось, что казенная часть могла быть полностью закрытой, что исключало потери газов при воспламенении пороха и дальнейшее снижение дальности стрельбы, более того, этот вид заряжания значительно увеличивал скорострельность за счет снижения времени на перезарядку оружия. Однако все перечисленные преимущества едва ли не сводились на нет повышенным расходом боеприпасов. Поэтому в британской, французской и австрийской армиях продолжали цепляться за дульнозарядные винтовки, и с ними провели кампании 1854 и 1859 годов. Прусская армия, однако, приняла на вооружение артиллерийские орудия, заряжающиеся с казенной части, и, кроме того, игольчатые винтовки Дрейзе (уже в 1841 году). И хотя этот тип оружия использовался во второстепенных кампаниях 1848 и 1864 годов, только в 1866 году он стал успешно конкурировать с дульнозарядным оружием – превосходство было налицо. Прусские пехотинцы при стрельбе лежа производили шесть выстрелов против одного в сравнении с австрийскими. Только после этого и армии других ведущих государств стали перевооружать свои войска, переходя на огнестрельное оружие, заряжающееся с казенной части, образцы которого лежали в течение многих лет на полках их военных министерств.

Что касалось артиллерии, в этой области даже в 1866 году лидировали французы. Их армия первой полностью перешла на дульнозарядные нарезные орудия, конструкция и изготовление которых лично утверждались Наполеоном III и которые проявили себя весьма эффек-

тивными в Италии. Прусская артиллерия в 1866 году состояла частично из нарезных орудий нового типа заряжания и частично из старых гладкоствольных, но ни один тип не проявил себя достаточно эффективно, и их скорострельность в сражениях против Австрии не выдерживала сравнения с французской семью годами ранее в Италии. Но за четыре последующих года прусская артиллерия преобразилась. Благодаря энтузиазму и дару предвидения главного инспектора генерала фон Хиндерзина полевые батареи были полностью перевооружены, получив стальные, заряжавшиеся с казенной части полевые орудия Круппа¹. Тактическое применение этого оружия было весьма детально изучено и изменено, а с появлением школы артиллерийского дела были установлены совершенно новые нормативы прицельной стрельбы. Эффективность прусской артиллерии стала, по-видимому, самым крупным тактическим достижением в ходе Франко-прусской войны.

Не вызывает дискуссий факт, что введение этого нового типа оружия в корне изменило действия армий на поле боя. Признаком грядущих изменений стало повышение эффективности огня пехоты, когда капсюль пришел на замену прежним кремневым винтовкам, и впоследствии новые боеприпасы стали использоваться застрельщиками, традиционно начинавшими все битвы. Уже было общепринятым, что линия застрельщиков усиливалась за счет колонн резерва для заключительных атак. Теперь появление нарезного стрелкового оружия обеспечило возможность ведения огня с подготовленных позиций на предсказуемые дистанции. Это было столь очевидным преимуществом, что сначала считали, что единственной ответной мерой мог стать рукопашный бой. Это могло быть осуществлено не традиционными колоннами побатальонно, которые не смогли бы устоять и выжить на открытом пространстве, потому что оказались бы сметены винтовочным и артиллерийским огнем, а гибкими формированиями, в полной мере использовавшими укрытия, в которых каждый боец в случае необходимости мог бы действовать по собственной инициативе. Французы продемонстрировали это в Италии в 1859 году. При обучении их пехоты, особенно в егерских формированиях, упор был сделан на скорости, маневренности и сообразительности отдельных солдат. «Французская ярость» – не миф, а качество, которое пруссаки признавали и которому завидовали. Австрийцы при Сольферино были сметены огнем французской артиллерии, не успев даже толком начать отстреливаться из своих ружей, но когда в 1866 году австрийцы попытались скопировать французскую тактику ближнего боя, убедились, что от постоянно стреляющих игольчатых винтовок Дрейзе спасения быть не может².

Доказательства 1866 года были неоспоримы: новое огнестрельное оружие в сочетании с продуманной обороной – колоссальное преимущество. Во французской армии распространилось мнение о том, что сущность стратегии впредь должна состоять в отыскании и занятии надежных позиций.

Взгляды Гельмута фон Мольтке, начальника прусского Генерального штаба с 1857 года, отличались лишь тем, что он считал основным объединение этой тактической обороны со стратегическим наступлением – то есть захват и удержание позиций, которые неприятель вынужден будет атаковать. Да, оборонительные позиции противника, соглашался он, следует, по мере возможности, обойти. Но если принято решение атаковать их, атаке должна предшествовать основательная артподготовка – что означало сосредоточение большей части артиллерии в авангарде пехотных дивизий, а не, как считал Наполеон и что оказалось бесполезным в 1866 году,

¹ Стальные орудия особой популярностью не пользовались у тогдашних специалистов по артиллерии из-за сложностей с равномерным охлаждением стволов в процессе отливки, что вызывало появление дефектов и, в свою очередь, приводило к разрывам стволов при стрельбе. Французы и австрийцы поэтому предпочитали традиционные бронзовые орудия, а британцы – кованые железные, усиленные наружными кольцами, конструкции Джозефа Уитворта. – *Авт.*

² При Сольферино в Северной Италии 24 июня 1859 г. австрийская армия насчитывала 173 000 человек, вооруженных нарезными ружьями, 752 гладкоствольных орудия. Французско-сардинская армия имела 169 000 (в битве участвовало 122 000), вооруженных в основном гладкоствольными ружьями, 592 нарезных орудия. Нарезные пушки французов подавили артиллерию австрийцев, что вынудило пехоту отступить. – *Ред.*

удерживание ее в резерве корпуса вплоть до полного развертывания сражения. Но подобная тенденция с упором на оборону не должна становиться самоцелью, а сочетаться с традиционным и естественным стремлением к атаке. В прусской армии тенденция, проявившаяся в 1866 году и заключающаяся в слиянии колонн поддержки с застрельщиками, считалась смертным грехом, и в ходе последующих маневров сомкнутый строй был восстановлен³. Во французской армии побатальонные колонны оставались правилом до 1869 года. Старшие офицеры и генералы не могли принять точку зрения, согласно которой в век нарезного оружия пришлось бы доверить ход сражения подчиненным и некадровым офицерам. Принята данная точка зрения была лишь в XX веке.

И, наконец, подошло время всерьез пересмотреть и роль кавалерии. Пока пехотные и артиллерийские вооружения не отличались дальностью и для их перезарядки требовалось время, умело применяемая конница становилась главным оружием на поле битвы, внезапно появляясь, атакуя пехоту и наводя ужас на артиллеристов и стрелков. Кавалерийские части все еще пользовались самым высоким социальным престижем во всех армиях Европы, уступая разве что войскам королевского двора. На поле битвы времен Наполеона I кавалеристы всегда выполняли самые сложные задачи, причем с присущей им лихостью, и пока что оставались единственными по-настоящему мобильными войсками в руках командующих, и их важность по-прежнему оставалась неоспоримой. Но в 50-х—60-х годах XIX века стали подумывать над тем, а в чем именно состоит важность кавалерии. В связи с появлением нового огнестрельного оружия увеличилось бы расстояние между тактическими единицами, вследствие чего возникали сложности поддержания связи в войсках и проведения разведки, в таких условиях повышалась потребность в кавалерии – лишь ей оказывалось под силу справляться с перечисленными задачами. Многочисленные примеры Гражданской войны в США доказали, на что способны лихие конные атаки на вражеские железнодорожные линии и склады. Но иными были традиции европейской конницы. Для европейцев тактика нанесения дерзких и внезапных ударов, разумеется, вызывала восхищение, и, какие бы новые роли ни навязывались кавалерии – легкая конница XVI века или драгуны XVII века, – от этих ролей мало-помалу отказывались, и кавалерийские части обретали сходство с социально признанной, в плане обмундирования куда более декоративной тяжелой конницей, обученной в своих отличавшихся педантичностью формированиях для исполнения заветного желания конника – атаковать всей массой. Французская конница в Ломбардии, прусская конница в Чехии проявили себя в равной мере некомпетентными в разведке. Но оставалось ли вообще место для тяжелой конницы? Сомнения на этот счет множились. Во Франции маршал Нель, в Великобритании герцог Кембриджский, в Пруссии сам Мольтке не скрывали скептицизма на этот счет⁴. Но их скептицизм оказал мало влияния на умы высокопоставленных командующих кавалерийскими силами. В обеих противоборствующих армиях они вошли в войну 1870 года с убеждением, что их полки сыграют решающую роль в крупных, тщательно спланированных военных операциях. И даже события той войны так и не смогли их переубедить.

³ Принятие на вооружение французской армией игольчатых ружей системы Шаспо, превосходивших ружья Дрейзе на 900 м по дальности стрельбы (1500 м против 600 м), а также в скорострельности, использовалось в качестве аргумента яркими сторонниками атаки. Сам кайзер соглашался с тем, «что мы с нашей дальностью стрельбы винтовок должны наступать на пятки противнику, навязывая ему [выгодные нам] дистанции...».

⁴ Однако Мольтке все же понимал степень многообразия операций легкой кавалерии на полях битвы будущего. Чем сильнее степень рассеянности сражения, указывал он, тем больше возможностей для нанесения «небольших, но блистательно осуществляемых ударов». – *Авт.*

Нереформированные армии

Вооруженные силы характеризуются не только вооружениями, но и социальными условиями, их породившими, и выполняемыми ими политическими задачами. В течение 40 лет, последовавших за Наполеоновскими войнами 1799–1815 годов, европейские державы формировали и обучали свои вооруженные силы как минимум в равной мере как для борьбы с внутренним, так и с внешним врагом. Главной задачей, как им внушалось, было подавление революционных повстанцев, внутренних или иноземных. Первая кампания королевской французской армии проводилась с целью возврата испанцев в ряды преданных союзников Бурбонов. Австрийская армия исполняла скорее полицейские функции, задачей которых было удержать в повиновении входившие в Габсбургскую империю области Италии, и приоритеты сменились лишь в 1848–1849 годах, когда понадобилось подавлять восстания в Будапеште, Праге, да и в самой Вене. Первой значительной операцией армий российской и прусской монархий после 1815 года стало подавление восстаний в Польше в 1831 году⁵. Следующими вступили в бой пруссаки – не считая непродолжительной и бесславной кампании против Дании в 1848 году. Для проведения подобных кампаний не было нужды поддерживать силы по численности и вооруженности соотносимых с той, которой требовали Наполеоновские войны. Существенным отличием таких войск было то, что они оставались лояльными династии, которой служили. Армии образца XVIII столетия, сравнительно малочисленные силы старослужащих регулярных войск с рекрутированным исключительно из представителей аристократии офицерским корпусом, идеально подходили для этой цели: они были политически благонадежны и по меркам войн XVIII столетия вполне пригодны и для боевого применения. Но баланс уже был нарушен. Французская революция ввела, а Наполеон I заставил дозреть вид боевых действий, который с его неограниченными притязаниями на национальные ресурсы призвал к иной форме военной организации. Наполеоновская война, *La Grande Guerre*, была войной масс: массы, хлынувшие в войска благодаря всеобщей воинской повинности, вооруженные и обмундированные только благодаря широкомасштабному вмешательству государства в промышленность, добывавшие себе провиант главным образом путем реквизиций, обусловили необходимость введения новых требований к маневренности и управлению. Именно опираясь на совершенство этого нового механизма, Наполеон I и поработил Европу, а сокрушен был лишь тогда, когда его противники повернули его же оружие против него самого (после того, как был разгромлен в 1812 году в России. – *Ред.*). Европейские державы вынули из ножен шпаги нехотя, чтобы тут же вложить их обратно, но непостижимо то, что об этом, вероятно, успели позабыть. Если страхам перемен, доминировавшим после 1814–1815 годов и парализовавшим разум государственных мужей Европы, и суждено было рассеяться и началось бы осуществление грандиозных планов, о которых грезили их собственные народы, грядущие конфликты никак нельзя было бы разрешить средствами «кабинетных войн» и оружием XVIII столетия.

Основная проблема, с которой столкнулись правительства стран Европы в XIX веке, состояла в том, каким образом создать армии, которые были бы не только политически благонадежными, но и эффективными в военном отношении. Эти две категории выглядели несоместимыми. Первая ратовала за армии на основе старослужащих кадровых военных, вторая – за обязательную для всех граждан всеобщую военную подготовку. Армия, рекрутированная из рабочей силы страны, с политической точки зрения являлась самым ненадежным инструментом. В такую армию могли затесаться революционные элементы, такая армия неизбежно

⁵ Автор не упомянул про Русско-иранскую войну 1826–1828 гг. и Русско-турецкую войну 1828–1829 гг., когда русские войска вышли к Константинополю (Стамбулу), в результате чего по Адрианопольскому мирному договору Греция фактически получила независимость, а Сербия, Валахия и Молдавия – реальную автономию. – *Ред.*

отражала бы внутри- и внешнеполитические разногласия, и ее истинная боевая мощь оказалась бы иллюзорной, допусти она политическую слабость. Пока опасность изнутри была серьезнее внешней, правительства предпочитали иметь относительно малочисленные и политически благонадежные армии, на которые они могли опереться в случае необходимости. Аристократия и класс землевладельцев, за исключением постреволюционных государств, таких как Франция и Испания, сохраняли монополию на офицерские чины. Средний класс, гражданский по определению и набирающий экономическую и политическую силу, был настроен отнюдь не против системы, которая не слишком глубоко запускала руку в их кошельки и не спешила призвать на военную службу их отпрысков. Повсюду армия не пользовалась особой популярностью и пребывала в изоляции, и кое-кто из европейских мыслителей, из тех, кто исповедовал материализм и не нуждался в средствах, усматривал в этом повод для сожаления. Даже воссозданная и наказанная французская монархия восстановила свою военную машину на основе максимально далекой от наполеоновской. И, ко всеобщему изумлению, государство, сохранившее неприкосновенным почти весь аппарат революционной военной организации, стало образцом для всех консервативных режимов – речь идет прежде всего о прусской монархии Гогенцоллернов.

Прусская армия в XVIII веке формировалась сменявшимися друг друга на троне монархами, которые были и военными экспертами, и политическими деспотами. Офицеры в ней рекрутировались из обедневшего дворянства, следовавшего традициям, подчинявшегося закону и исходившего из экономической необходимости. Эти люди были готовы служить короне как в гражданской, так и в военной ипостаси, и, хотя теоретически эта готовность основывалась на всеобщей воинской повинности, армия состояла из старослужащих наемных солдат и призванных на военную службу крестьян, со свирепой дисциплиной и изнурительной военной подготовкой до тех пор, пока скорость их передвижения и интенсивность их огня не превращала их в непревзойденных мастеров войны на европейских полях сражений, способных обеспечить Пруссии место первой среди равных в окружении более богатых и плотнее населенных стран-соседей. Лишь в 1806 году, когда армия Пруссии рухнула под натиском Наполеона, стало очевидным, что система эта никуда не годится: то, что армия, как персональный инструмент короны, окончательно откололась от остальной части общества и потерпела сокрушительное поражение, было почти повсеместно воспринято с безразличием. Военная комиссия по реорганизации, учрежденная в июле 1807 года, поэтому и не пыталась восстановить старую армию в духе Фридриха II. Вместо этого под руководством Герхарда фон Шарнхорста были разработаны принципы, на которых могла быть построена новая армия. Офицерские школы были реформированы, их двери теперь распахнулись и для представителей среднего класса, и для дворян. Принцип всеобщей воинской повинности был подтвержден, свирепый дисциплинарный устав был упразднен, и еще не пришедшее в себя окончательно армейское командование объединили под началом одного-единственного лица – военного министра. Шарнхорст грезил о том, «чтобы возродить и умножить армейский дух, теснее сплотить армию и державу». В 1813 году был создан ландвер – гражданское ополчение, отдельно вооружаемое и отдельно управляемое, – который сражался бок о бок с регулярной армией ради сокрушения Наполеона в ходе освободительной войны. На пике той войны и консерваторы и либералы, юнкеры и буржуа, позабыв о своих политических расхождениях, объединились под эгидой создания новой армии Пруссии.

Как только война закончилась, король Пруссии Фридрих Вильгельм III стал сожалеть о сделанных уступках, и реформаторов разогнали, хотя они успели внести свой вклад в закон об обороне от 3 сентября 1814 года и в закон о ландвере от 21 ноября 1815 года. В соответствии с первым каждый пруссак по рождению по достижении 20-летнего возраста был «обязан защищать Отечество». Армия должна была стать, как это выразилось во фразе, подводившей итог достижениям реформаторов, «главной военной школой всей страны». Прусский призывник

служил в течение трех лет в армии, два года в запасе и затем до 40 лет в ландсвере, включавшем не только завершивших пятилетнюю

службу в регулярной армии, но и вообще всех пригодных к воинской службе мужчин, которые не ушли в армию в рамках ежегодного призыва. Ландвер имел собственное территориальное деление, и, по аналогии с британским ополчением, офицеры ландвера рекрутировались из местного контингента. Такая система обязательного прохождения службы, сначала в действующей армии, затем в запасе и, наконец, в составе территориальных войск, к XX веку фактически стала повсеместной в западных державах. Она проистекала из двух чисто местных соображений: потребности объединить постоянную армию, достаточно малочисленную с тем, чтобы не обременять ограниченный бюджет содержанием достаточно многочисленной армии, которая позволила бы Пруссии фигурировать в Европе в статусе великой державы, и стремления реформаторов увековечить дух Шарнхорста и сплавить воедино армию и страну.

В последнем аспекте хвастаться им было особенно нечем. После 1819 года армия вернулась к прежнему, фридриховскому состоянию. Офицерский корпус вновь закрылся для представителей буржуазии. Различие между регулярной армией и ландвером углубилось. Экономный подход к бюджетным расходам вкупе с политической осмотрительностью позволял поддерживать на низком уровне ежегодные расходы и численность регулярной армии. В период 1815–1859 годов численность ее редко переступала границу в 200 000 человек. В 1830–1831 годах, когда Польское восстание угрожало восточным границам Пруссии, а революции в Бельгии и Франции – западным, Пруссия оказалась в военном отношении бессильной. Только призвав в основном неподготовленный контингент ландвера, удалось мобилизовать достаточное количество людей для достижения необходимой численности. Подобная ситуация была оскорбительна для регулярной армии и раздражала гражданских лиц, из которых рекрутировался ландвер, что негативно сказывалось на боеспособности войск. Укомплектованный большей частью плохо обученными офицерами ландвер не мог соперничать с регулярной армией, и в ходе серьезных волнений в стране в 1848 году зарекомендовал себя несостоятельным. Когда в июне 1859 года Пруссия провела мобилизацию резервистов в поддержку Австрии в ее войне против Франции, один британский наблюдатель писал, что «полки ландвера были в никудышном состоянии и не могли идти в бой, поскольку маневренность их могла сравниться разве что с батальонами ополченцев нашего графства»⁶. Пруссия на самом деле до 1859 года располагала и слабой регулярной армией, и слабым ландвером. Ее вооруженные силы не отличались ни политической благонадежностью, ни возможностью во весь голос заявить о себе в Европе. А ведь в XIX столетии, как и испокон веку, именно военная машина считалась главенствующим критерием непоколебимости государственной и политической власти.

В 1859 году на вопрос, какая из европейских держав доминировала в Европе, имелся готовый ответ: Франция, и еще раз Франция. Французская армия закалилась за 30 лет непрерывной борьбы в Африке, породивших принципиально новые пехотные части – зуавов и *turcos (tirailleurs indigenes)*, а также кавалерийские – *spahis* и *chasseurs d'Afrique*, кроме того, выковавших целую плеяду блестящих командующих: Бюжо, Канробера, Мак-Магона, Бурбаки – тех, кто продолжил традиции наполеоновских маршалов. Эти *beaux sabreurs* имели мало общего с пожилыми выходцами из прусского юнкерства, командовавшими прусскими войсками, как и опытными ветеранами войн, руководившими гражданскими резервистами, составлявшими основной костяк прусской армии. Они снискали лавры в Крымской кампании в 1854–1855 годах, а в Италии в 1859 году повторили победы раннего Бонапарта у Мадженты и Сольферино. Превосходство Наполеона III в Европе, возможно, в конечном счете и объяснялось разногла-

⁶ А вот французские наблюдатели были впечатлены увиденным в ходе мобилизации, в особенности использованием железных дорог и бланками приказов 1840 г., в которые достаточно было вписать дату и поставить подпись для придания им законного характера. – *Авт.*

сиями трех победивших Наполеона I (Российской и Австрийской империй и Пруссии) держав, но в глазах его почитателей оно, как и у его дяди, зиждилось на победах его войск⁷.

Военные институты Франции имели мало общего с таковыми в Пруссии. У французов не существовало рекрутированного из дворян офицерского корпуса: между армией и пригородом Сен-Жермен, как считали герои Стендаля, не пролегла почти непреодолимая пропасть. Не существовало таких понятий, как «краткосрочная служба», то есть имела сравнительно немногочисленная регулярная армия и не было массы обученных резервистов. Франция ранее породила идеал «нации с оружием в руках», но в XIX веке она постоянно отказывалась, по причинам политическим, военным и экономическим, от создания военной организации по образу и подобию своих революционных армий. Суровость наполеоновских призывов на военную службу молодых представителей всех классов, в своем большинстве потом с нее домой и не вернувшихся, представлялась Людовику XVIII достаточным основанием для их отмены. И хотя естественное для послевоенного периода отсутствие волонтеров вынудило в 1818 году вернуться к воинской повинности, эта вынужденная мера была не более чем признанием универсальной ответственности, насаждаемой правительством, проводившим ее в жизнь максимально сдержанно. Повсеместное же введение краткосрочной службы породило бы армию куда более многочисленную, чем та, в которой действительно нуждалась или которую могла бы позволить себе страна. Идея эта в равной мере не привлекала ни самих военных, которые, будучи профессионалами, считали, что лишь долгие годы практики могут воспитать необходимые для солдата качества, ни гражданское население, заинтересованное в том, чтобы уберечь своих чад от тягот и лишений воинской службы, а их самих – от расходов на содержание огромной военной машины. Подход французов периода 1818–1870 годов состоял в том, чтобы путем голосования решать, сколько призывников и каких возрастных групп должны определять численность армии, а потом взять и закрепить результаты голосования в виде закона. И намного большая часть контингента призыву не подлежала, так и оставаясь необученным в военном отношении резервом. «Первая порция» служила не один год (сроки колебались от шести до восьми лет) до тех пор, пока в 1832 году не был установлен семилетний срок, просуществовавший до реформ маршала Ниеля в 1868 году. Долгосрочная служба предназначалась для того, чтобы выбить из призывника все ненужное гражданское и превратить его в истинного солдата. Прослужив семь лет, демобилизованный солдат уже с трудом адаптировался к гражданской жизни и рано или поздно принимал решение вновь вернуться в армию, но уже в качестве волонтера. И, таким образом, в рамках универсальной ответственности за службу росла армия достаточно долго прослуживших профессионалов, которая удовлетворяла всех – и военных, заинтересованных в квалифицированных наставниках и инструкторах для необученного пополнения, и представителей среднего класса, желавшего и далее оставаться спокойным за то, что их наследников мужского пола не поставят в строй.

Единственные, кто пострадал от этой системы, так это сами призывники, и «вытащить неверный номер» считалось нешуточной бедой. Но государство и здесь обеспечило лазейку. Призываемый вовсе не обязан был служить лично, если имел возможность вместо себя послать еще кого-нибудь, военные власти не возражали, – на самом деле, если вместо неопытного и необученного новобранца в армию являлся уже накопивший соответствующий опыт за годы прежней службы человек, что ж – тем лучше. Таким образом, сформировалась и бесперебойно функционировала «система замены», ставшая одной из главных отличительных особенностей военной машины Франции. Были учреждены соответствующие агентства, обеспечивавшие поступление замен, и воинская повинность стала риском, застраховаться от которого было куда проще и надежнее, чем, скажем, от пожара или наводнения. Возможность достичь такой

⁷ Турция (1856) и Япония (1868) нанимали французских офицеров в качестве консультантов в ходе реформирования своих армий. – *Авт.*

договоренности позволяла высшим сословиям и среднему классу избежать тягот военной службы, а истинные республиканцы рассматривали ее как несправедливую. «Желать, чтобы беднота выплачивала этот налог на кровь, – как заявила комиссия, занимавшаяся изучением этого вопроса в ходе составления конституции Второй республики, – с тем, чтобы богатые уклонялись от его уплаты, предложив деньги, представляется нашей комиссии чудовищной несправедливостью». Но консервативное большинство в ассамблее успешно выступило против запланированной республиканцами реформы. «Трудности должны быть равными, – соглашался Адольф Тьер, – но если вы желаете приложить те же условия и тот же образ жизни к совершенно разным людям, как раз вы и нарушаете тем самым принцип равенства... Общество, где все – солдаты, – варварское общество». Принцип замены пережил республику, превратившись в неотъемлемую часть французской военной системы.

Французы, с тревогой взиравшие на моральную ущербность подобной системы в сравнении с прусским обязательным призывом в армию независимо от социального происхождения⁸, успокаивали себя тем, что, по крайней мере, данная мера, вероятно, обеспечит более компактные и опытные вооруженные силы. Разумеется, армия сознательно отделялась от остальной части общества, презирая все штатское, и будучи сама презираема штатскими. Жюльен Сорель был не единственным амбициозным молодым человеком, кто почувствовал это в постнаполеоновской Франции *le merite militaire n'est plus a la mode* и решил избрать для себя мирную и более прибыльную профессию. Аристократия смотрела свысока на армию как на когорту наполеоновских выскочек, средний класс – как на варварский и рудиментарный пережиток в эпоху всеобщего мира и процветания. Это отношение изменилось после 1848 года, когда имущие классы стали рассматривать армию как необходимого защитника общественного строя от пролетарской революции, и успехи армии в Африке вместе с наводнившими литературу идеями бонапартизма призывали к возрождению национальной гордости галльскими традициями воина. В блеске Второй империи армия, роскошно обмундированная, увешанная орденами за Крым, Ломбардию и Дальний Восток (участие в англо-франко-китайской «опиумной войне» 1856–1860 годов), вновь снискала уважение общественности. Но она оставалась вне остальной страны, и Наполеон III сознательно поддерживал статус-кво, отведя войскам роль своей «преторианской гвардии». «Идеальная конституция, – объявил генерал Трошю, самый рьяный из всех военных реформаторов, – та, которая создает армию, верования и привычки которой составляют корпорацию, отличную от остальной части населения». При столь сомнительном режиме, каковым являлась Вторая империя Наполеона III, резко отрицаемая активным и образованным меньшинством и покоившаяся на общественной апатии, а не на всеобщем согласии, армия обязана была исполнять и полицейские функции, что усиливало тот, вероятно, неизбежный и в какой-то степени востребованный в армии мирного времени дух землячества. Но во Франции он был подпорчен бедностью, в которой вынуждены были жить офицеры, и это в обществе, которое лихорадочно и успешно следовало призыву Гизо «Богатейте!». Офицерство Франции, как и также обедневшее прусское, было лишено каких-либо утешений в виде социального престижа, даруемого принадлежностью к армии. Не было у них за все 40 лет после Ватерлоо и перспектив успешно сокрушить кого-нибудь из своих могущественных европейских соседей, чтобы таким образом обеспечить себе почет, славу и основания возгордиться своей профессией. О качестве военного образования не заботились: уровень обучения

⁸ Решение пруссаков решить проблему, примирив принцип обязательности призыва с интересами и пожеланиями высших классов и профессионалов, выразилось в учреждении статуса «добровольно поступившего на службу на годичный срок», закрепленного в законе Бойена в сентябре 1814 г. Молодые люди, получившие образование достаточно высокого уровня, могли по прохождении соответствующего тестирования поступить на армейскую службу «добровольцами на годичный срок». Они носили отличную от других форменную одежду, не находились на казарменном положении и в свободное от службы время имели право переодеваться в штатскую одежду. По истечении одного года их демобилизовывали. Эта практика сохранилась вплоть до роспуска рейхсвера в 1918 г. – *Авт.*

в крупных военных училищах и в Сен-Сире, и в Меце, и в Сомюре был прискорбно низок, и интеллектуальный калибр высокопоставленных офицеров никоим образом не соответствовал их щегольству. «Если задумаешь что-либо, – сетовал Наполеон III, – только офицеры специальных служб и способны это воплотить в жизнь, но стоит только дать обычным офицерам мало-мальски важное поручение, как они тут же начинают жаловаться».

Но даже эти сомнительного уровня подготовки военные училища были доступны лишь выходцам из богатых семей и получившему неплохое образование меньшинству, и поступление туда стоило немалых денег. Подавляющее большинство дослуживалось до званий в ходе службы в войсках, и, несмотря на приобретенный практический опыт, им все же недоставало теоретических знаний. Маркиз де Кастельян жаловался, что на десять новых капитанов, прибывших на службу в его часть в Перпиньян в 1841 году, всего двое умели читать и писать, а в 1870 году немцы поражались неграмотности французских офицеров, оказавшихся в прусском плену. Эти выслужившиеся из рядовых офицеры, как правило, не соответствовали высоким занимаемым должностям⁹. Они вполне соответствовали статусу полковых офицеров: хоть и пожилые, но бесстрашные, испытанные в боях и пользовавшиеся уважением подчиненных. Именно из их рядов вышел по крайней мере один маршал: Ашиль Франсуа Базен.

Может показаться любопытным, что такие промахи коренились и углублялись в армии, которая начиная с 1830 года почти непрерывно участвовала в активных боевых действиях. Но на самом деле африканский опыт лишь усугублял упомянутые промахи и недостатки. Военные операции в Африке проводились небольшими подразделениями, и от их командиров требовались не столько глубокие теоретические знания, сколько отвага, сметливость и навыки внезапных атак – качества, считавшиеся во французской армии присущими ей, и только ей. Не было необходимости глубоко вникать в изучение военного дела или овладевать навыками взаимодействия войск в бою в ходе сражений. Не было потребности и в тщательно продуманной организации войскового подвоза: солдаты везли все необходимое на вьючных лошадях или тащили на своих спинах. Эти же привычки они распространяли и на европейские кампании. Французские солдаты шли в бой в 1870 году, таща на себе около 70 фунтов груза (более 30 килограммов), включая провиант на несколько дней. Непосредственно перед сражением все сваливалось в кучу, и если бой был проигран, солдаты, разумеется, оставались ни с чем.

Все порочные командные стереотипы, отличавшие наполеоновские армии, крайне негативные последствия которых сводил на нет лишь стратегический гений самого Наполеона, прочно укоренились у французов. Но, невзирая ни на что, эта армия продолжала одерживать победу за победой. Главный принцип, которым руководствовались французские военные, был и оставался – *le système D: on se débrouillera toujours* — «как-нибудь, да выкарабкаемся». И выкарабкивались, хоть и немалой ценой. Полнейшая неадекватность французского военного командования стала очевидной с началом войны против европейских врагов: России в 1854 году (в ходе Крымской войны 1853–1856 годов) и Австрии в 1859 году. Ставка командования, войсковой подвоз и административные службы отсутствовали как таковые, и все приходилось создавать, как говорится, на ходу. Войска транспортировали в Черное море на пароходах, а потом они вынуждены были дожидаться прибытия вооружений, боеприпасов и провианта. В 1859 году для участия в войне с Австрией, о которой политики твердили вот уже четвертый год, французская армия прибыла в Ломбардию в состоянии вопиющей неготовности. У солдат передовых частей, переходивших границу, отсутствовали одеяла, палатки, кухонный инвентарь, фураж, а иногда даже и боеприпасы. Обувь приходилось заимствовать у итальянцев, в качестве перевязочного материала в Сольферино использовалось разорванное обмундирование, а тем временем необходимое медицинское оборудование скапливалось в доках генуэз-

⁹ Примерно две трети офицеров, от капитана и выше, начинали службу рядовыми. Соответственно, такие кадры составляли до 25 % офицеров, занимавших командные должности и приблизительно 15 % дивизионных генералов. – *Авт.*

ского порта. И это еще не все – участок, где предстояло вести боевые действия, был хорошо известен наличием там и крепостей, однако армия так и не получила необходимого оснащения для их штурма. Наполеон III телеграфировал из Генуи: «Мы послали в Италию армию в 120 000 человек, но не позаботились о необходимых поставках для них. Это, – продолжал он, – прямая противоположность тому, что мы планировали».

Тем не менее французы выиграли обе войны. Какими бы ни были все присущие им и ставшие уже традиционными недостатки, вероятно, у их противников дела в этом смысле обстояли еще хуже. Не приходится удивляться тому, что французская армия победила, по словам одного из ее служащих, за счет «всесильной выучки ее солдат, столь же удачливых, как и бесстрашных и в открытую презиравших военное искусство». Некоторых более проницательных командующих во главе с самим императором серьезно волновали огрехи французского военного командования, вскрывшиеся в ходе кампании 1859 года. Но, по мнению большинства в армии, да и во всей стране, одержанная победа гарантировала любые оправдания, необходимые для сохранения системы, которая, невзирая на все ее недостатки, все же выдержала испытание временем.

Реформа прусской армии

К 1860 году французская армия разбила двух из своих главных европейских противников. Что касалось третьего, Пруссии, то ее Франция опасалась меньше. И это было оправданно – французы на тот момент вообще не воспринимали всерьез прусскую армию. Во французской армии главенствовало мнение о том, что прусские вооруженные силы не более чем «учебка ландвера». Без проведения всеобщей мобилизации прусская армия была слишком малочисленной и неспособной на проведение серьезных военных операций, а после всеобщей мобилизации представляла собой плохо обученное и недисциплинированное ополчение, которое, как не без основания считали французы, ветераны Африки и Италии, было достойно лишь презрения. Ни в отношении управления, ни боевой выучки прусская армия, судя по всему, не обладала преимуществами перед французами. В ходе королевских маневров в 1861 году один французский наблюдатель выразился: «Это компрометирует профессию».

К 1861 году очевидная слабость вооруженных сил уже не один год тревожила и самих пруссаков. Даже либералы, принципиальные противники любого усиления монархии, от которой им крепко досталось в 1848 году, и те были обеспокоены неспособностью Пруссии противостоять гегемонии Австрийской империи в Германии – гегемонии, как они считали, куда более опасной для национального единства, чем гегемония монархистской Пруссии. Достаточно проникательные консерваторы, как Альбрехт фон Роон, один из самых ярких сторонников абсолютизма Гогенцоллернов, видели всю нелепость военной системы, которая во время кризисов зависела от поддержки как раз тех гражданских элементов, которым у короны имелись все основания не доверять, а больше остальных был заинтересован принц Вильгельм Прусский, ставший в 1857 году королевским регентом вместо своего страдавшего прогрессирующим психическим заболеванием брата Фридриха Вильгельма IV.

Принц Вильгельм был первым из кадровых военных, кто занял прусский трон после смерти Фридриха II Великого (1712–1786 годы, король Пруссии с 1740 года). Он в составе прусской армии принимал участие в антинаполеоновской кампании 1814 года, он командовал прусскими силами, подавлявшими восстание либералов в Бадене в 1848 году, и он любил армию ничуть не меньше своего предка Фридриха Вильгельма I (1688–1740 года, король с 1713 года). И как и у Фридриха Вильгельма I, боеспособность вооруженных сил всегда стояла у него на первом месте. Ничто не говорило о том, что он в 1858 году считал свою армию гарантом прусской гегемонии в Германии, не говоря уже о Европе в целом. Но масштабные реформы, без которых прусская армия смогла бы претендовать на могущество и способность выстоять в европейской войне, были возможны лишь при условии фундаментальных политических перемен, ввергнувших Пруссию в конституционный кризис, столь же мучительный, как и тот, который пережила Англия в 1640-х и 1660-х годах и результат которого стал решающим для будущего государственного устройства.

Проект общей реформы прусской военной организации был в общих чертах представлен в меморандуме, составленном Альбрехтом фон Рооном для регента летом 1858 года. В упомянутом документе фон Роон указывал на потребность Пруссии, если она и дальше претендует оставаться великой державой, в «недорогостоящей, но в то же время весьма боеспособной армии», и вновь подчеркивал, что в этом смысле никак нельзя полагаться на ландвер. Разногласия по поводу проводимой государством политики неизбежно отражались на ландвере и исключили любые «добровольные политические компромиссы». Но подобная «добровольность», – продолжал фон Роон, – являлась первейшим условием для создания сильного независимого правительства», а добиться этого было возможно лишь при условии полного подчинения ему вооруженных сил, не рассуждающих, а беспрекословно выполняющих его распоряжения. Необходимо «более тесное сближение» ландвера и армии. Необходимо упразднить

ландвер, как автономно функционирующую гражданскую организацию. Вместо него предстоит сформировать «территориальные команды», укомплектованные армейскими офицерами, на которых будет возложено обучение ландвера как основного резерва. Более того, контингент ландвера необходимо формировать из уже прошедших армию и прослуживших в ее рядах не менее семи лет солдат – это обеспечило бы регулярной армии прирост в семь возрастных групп и минимизировало бы необходимость вообще призывать ландвер. Таким образом, создание регулярной армии необходимо ускорить, увеличив численность офицерских и унтер-офицерских кадров, пересмотреть условия поступления на службу, боевой подготовки и самой службы.

Сама суть этих предложений у Вильгельма никаких возражений не вызвала. Хаос и неэффективность мобилизации 1859 года диктовали безотлагательные решения по данному вопросу, и он создал комиссию, возглавил которую сам Роон, для изучения и систематизации предложений по законодательству. Немалая политическая сноровка требовалась для проведения через ландтаг предложений касательно увеличения военного бюджета и аннулирования автономии ландвера, и регент был готов к бескомпромиссной борьбе. И действительно, он отказался поддержать идею Роона о том, что общественность не будет протестовать против сокращения срока службы в действующей армии до двух лет. «Дисциплина, слепое повиновение воспитываются и становятся плотью и кровью далеко не сразу, а по прошествии времени, – утверждал он, – поэтому и необходим более длительный срок службы». Увеличение численности вооруженных сил не должно приводить к ослаблению ее традиций Гогенцоллернов, и гарантией тому будет лишь длительный срок службы.

При условии внесения подобных изменений предложения Роона могли вызвать лишь яростные протесты. Военный министр генерал Эдуард фон Бонин настолько вяло поддержал их, что Вильгельм в декабре 1859 года назначил на его должность самого Роона. Отставка либерально настроенного фон Бонина и замена его реакционером послужила вызовом либералам и обусловила конфликт между королем и ландтагом, не утихавший целых восемь лет. Роон не позволил вмешиваться в ход инициированных им реформ. К сентябрю 1862 года парламентская оппозиция достигла точки, когда ландтаг отказался от всех дальнейших уступок армии, и Вильгельм I (вступил на престол в 1861 году), по рекомендации фон Роона, назначил премьер-министром (министром-президентом) лишенного и следа ортодоксальности Отто фон Бисмарка (1815–1898). Теория Бисмарка о «пробеле» в конституции, в результате которого в случае патового конфликта между тронем и ландтагом трон был наделен правом принять все необходимые меры для сохранения стабильности государства, что позволило ему увеличить налоги, за что ландтаг проголосовать отказался. В сентябре 1863 года ландтаг был распущен. Вскоре, в 1864 году, Бисмарк вовлек Пруссию в войну с Данией (напав на нее в союзе с Австрией), и военный конфликт, как это обычно происходит, укрепил позиции правительства и ослабил оппозицию. Поскольку конфликт с Австрией продолжал обостряться, либеральный сектор, выступавший за объединение Германии под началом Пруссии, склонился к поддержке Бисмарка, и конституционный кризис был фактически разрешен 3 июля 1866 года на поле битвы при Садове (Кениггреце). Два месяца спустя ландтаг предоставил правительству полную компенсацию за свои неконституционные расходы за прошлые четыре года, и на следующий год печать парламентского одобрения была приложена к армейским реформам армии. 20 октября 1867 года Роон торжественно заявил королю о том, что борьба наконец завершена. Мало того что прусская армия была реформирована согласно его проекту, но появились и вооруженные силы нового Северогерманского союза, создание которого и стало возможным благодаря победам армии.

Так, к 1868 году, то есть спустя десять лет после того, как кронпринц Вильгельм сменил своего брата, прежняя армия Пруссии была преобразована в армию Северогерманского союза, а военное законодательство упомянутого союза было полностью скопировано с прусского.

Король Пруссии стал главнокомандующим федеральной армии. Срок обязательной воинской службы был снова установлен, и армия – с добавлением военно-морского флота – снова считалась «военной школой всей страны». Но имелись и существенные различия. Срок службы был установлен в три года с призывным возрастом в 20 полных лет, но призывники тогда служили с запасом четыре года вместо двух, прежде чем попасть в ландвер. На первом году службы в ландвере они могли все еще быть призваны вместе с запасниками. Таким образом, регулярная армия в случае мобилизации состояла, в дополнение к кадровому составу, из семи призывных возрастов, в случае необходимости и из восьми призывных лет. Служба в ландвере сократилась с семи лет до пяти. Контроль со стороны регулярной армии ужесточился настолько, что ландвер по праву мог считаться вторым эшелоном регулярных вооруженных сил. Непосредственный контроль осуществлялся территориальным командованием (армейскими корпусами), на которые была поделена Пруссия и которые затем были увеличены из расчета покрытия всей территории.

Такая организация облегчила расширение прусской военной системы на остающиеся государства Германии. Власти в каждом армейском корпусе были в значительной степени самостоятельны. Они привлекали новобранцев в местном масштабе, обучали собственный ландвер и отвечали за мобилизацию во время войны. Суверенные государства могли таким образом стать новыми армейскими корпусами без ущемления чувства местной гордости. Но расширение прусской военной системы не обходилось без трений, в особенности с такими государствами, как Ганновер и Саксония, сражавшимися в 1866 году на стороне Австрийской империи. Централизацию и однородность необходимо было смягчить. Должности союзного военного министра не существовало, армии государств были связаны с прусским военным министром отдельными военными соглашениями, а Гессен, Саксония, Брауншвейг и Мекленбург сохраняли за собой значительную степень автономии военной администрации. Государства, расположенные южнее Майна, находились в неустойчивом равновесии между Пруссией, Австрией и Францией и заметно отставали. Баден, встревоженный французскими планами в Рейнланде, с большим энтузиазмом встретил инициативы Пруссии, приняв ее систему фактически в целом. Вюртемберг, принимая прусские инструкции и вооружение, сохранил прежнюю военную форму и организационную структуру ландвера, а Бавария, хотя в январе 1868 года и ввела у себя и воинскую повинность, и многие другие особенности прусской административной политики, упрямо цеплялась за свою независимость по вопросам вооружений, военной формы и тактической организации. Но даже без южных государств армия Северогерманского союза весьма впечатляла. В 1870 году ее общая численность, включая резервистов, оценивалась в 15 324 офицера и 714 950 солдат, кроме того, ландвер предоставил еще 6510 офицеров и 201 640 солдат. Когда подошло время проверки, Роон выставил 1 183 389 солдат и офицеров, 983 064 из которых были от Северогерманского союза, – неслыханная сила, как с грустью отметил один французский историк, начиная с легендарных армий Ксеркса (численность которых греческими историками сильно преувеличивалась. – *Ред.*).

Численность войск и их боеспособность не всегда синонимы. Развертывание сил и снабжение таких масс связаны с огромными проблемами. Как говорится, меч иногда бывает тяжеловат, чтобы ловко владеть им. Наполеон вторгся в Россию с армией численностью чуть больше половины от упомянутой выше, и вскоре выяснилось, что управлялся он с ней с великим трудом, тогда как в 1797 году и позже, в 1814 году, он сумел малочисленными силами разъединять и побеждать значительно превосходящих противников (в 1814 году недолго – дело закончилось взятием Парижа русскими и их союзниками). Именно этот аргумент успокаивал французов, следивших за ходом реформ Роона за Рейном¹⁰. Однако он не учитывал достижений в науке и промышленности, работавших на войну.

¹⁰ Сам Мольтке признавал: «Весьма крупные скопления войск – головная боль. Сосредоточенные в одном месте мно-

Было бы неверно прийти к заключению, что прусская армия в целом в совершенстве владела всеми новыми методами ведения войны. И в организации железнодорожных перевозок, и в мобилизации резервистов, и в обучении было допущено множество ошибок – не только в 1864 и 1866 годах, но и в 1870 году. Но и противник Пруссии допускал еще более серьезные ошибки. Пруссаки, по крайней мере, изучили свои ошибки и сделали из них соответствующие выводы, пересмотрев подготовку и организацию войск. Они поступили так не потому, что прусские генералы были умнее или работоспособнее, чем у противника, а потому, что пруссаки завели у себя в Генеральном штабе структуру, занимавшуюся как раз этими вопросами: подбор исследований по ведению войны, анализ прошлого, понимание будущего и непрерывное обеспечение командующих необходимыми сведениями и проведение консультаций.

В других армиях Генеральные штабы представляли собой всего лишь сборище адъютантов командующего. Большого и не требовалось в периоды, когда численность войск редко достигала шестизначных чисел и фронт сражений был соответственно ограничен. Но рассредоточение армий на марше, ставшее возможным благодаря железной дороге и телеграфу, а также рассредоточение в ходе сражения, ставшее возможным благодаря современному огнестрельному оружию, повышало требования к нижестоящим командирам и создавало технические проблемы поставок и связи, решение которых оказывалось под силу лишь хорошо подготовленным специалистам в данной области. Командующим высоких рангов требовались не просто адъютанты, а профессионалы-консультанты, способные предложить нужное решение проблем, связанных с техническими трудностями связи и войскового подвоза.

Однако оперативный простор в значительной степени ограничивал прямое управление. Штаб армии мог располагаться в нескольких днях марша от своих передовых частей, командующему оставалось уповать лишь на то, насколько верно будут подчиненные ему командиры следовать ранее данным им инструкциям, то есть даже в его отсутствие они должны были реагировать на нештатные ситуации именно так, как требовал этого он. Трудно было ожидать подобной слаженности от командующих корпусами и армиями, не прошедших соответствующей подготовки, и тех, кто нередко по званию был старше начальника Генштаба, да и был настроен к нему не всегда дружелюбно. Но офицеров-штабистов можно было соответствующим образом подготовить, и хотя офицеры-штабисты подчинялись командующему, это было подчинение по форме и оттачивалось самим начальником штаба. Таким образом, прусский Генштаб действовал подобно нервной системе, приводящей в движение неповоротливое тело армии, обеспечивая ему необходимую гибкость, позволявшую войскам действовать наиболее эффективно. Ту самую гибкость, которой были лишены французы, кое-как стянутые в одно место и не имевшие возможности рассредоточиться в нужный момент, когда численность сил перестает быть фактором успеха, а превращается в свою противоположность.

То, что прусский Генеральный штаб оказался способен выполнить эти функции, объясняется прежде всего формой, которую придал этой структуре Гельмут фон Мольтке, с момента своего назначения на должность начальника Генштаба в 1857 году сделавший упор на обучении. Его заслуга состояла не в инновациях, а в личном контроле за подбором офицеров и их подготовкой. Сыграли роль и незаурядные качества самого Мольтке. Действительно, склонность Мольтке к самоанализу, широта его кругозора и даже его внешность ассоциировались скорее с миром искусства, чем с полями сражений, и свидетельствовали о присущем этому человеку гибком уме. Преданность и уважение его подчиненных объяснялись прежде всего характером отношений, больше напоминавших учителя и ученика, чем вышестоящего к нижестоящему. По характеру Мольтке был либеральным гуманистом, но строгая самодисциплина превратила его в добросовестного, даже педантичного специалиста, и Генеральный штаб он

гочисленные силы труднее снабдить провиантом, почти невозможно расквартировать...» (Verordnungen für die höheren Truppenführer vom 24 Juni 1869' in Tak-tisch-strategische Aufsätze 173.) – *Aem.*

сформировал по своему собственному подобию. Он набирал сотрудников из числа самых незаурядных своих учеников, ежегодно заканчивавших военную академию. Из приблизительно 40 человек, отобранных его советниками из 120 ежегодных выпускников, фон Мольтке отбирал лишь 12 человек, но лучших из лучших. Однако и им предстояло выдержать испытательный срок, работая под постоянным личным контролем Мольтке и сопровождать его в штабных выездах, которым он всегда отводил центральную роль в обучении. Если тот или иной кандидат стопроцентно не удовлетворял Мольтке, он направлялся в войска. Офицеры-штабисты в любом случае должны были какое-то время до обучения в военной академии прослужить в действующих войсках – именно это и обеспечивало постоянную связь штаба и войск, распространяло идеи и подходы фон Мольтке в вооруженных силах. Таким образом, к 1870 году армия была в основном сформирована согласно его концепции. Многие командующие бригадами и дивизиями обучались у него, и ядром каждого корпуса и каждой армии становился проницательный и лишенный авантюризма начальник штаба соединения, отдававший продуманные распоряжения, сформулированные в предельно простой форме. Этот начальник штаба перебрасывал силы до самого последнего момента компактно, не рассредоточивая их, и постоянно обращал внимание на необходимость взаимовыручки.

Подготовка штаба и через него армейского командования в целом была лишь одной из стоявших перед Мольтке задач. Кроме того, он отвечал за составление оперативных планов – жизненно важную и весьма сложную составляющую безопасности и военной мощи государства, имевшего столь уязвимые границы, как Пруссия. Исход войны зависит от быстрого принятия решений и верного развертывания сил, от умения командиров повести за собой войска, от проявленного в ходе сражений мужества. Но и перечисленные факторы не стоят ничего без своевременной переброски подразделений, частей и соединений, необходимой численности на нужный участок. «Ошибка в первоначальном сосредоточении войск, – писал Мольтке, – может едва ли быть компенсирована всем дальнейшим ходом кампании». Во-первых, необходимо было следить за бесперебойной мобилизацией сил; во-вторых – за доступностью необходимых железнодорожных линий и их готовностью к использованию и, наконец, располагать продуманно составленными планами развертывания сил, которые соответствовали бы любой мыслимой политической чрезвычайной ситуации.

Сложности мобилизации 1859 года убедили фон Мольтке в масштабах проблемы, с которой ему предстояло столкнуться, и впредь он неустанно работал над ее разрешением. Один административный метод облегчал задачу: децентрализация мобилизационных мероприятий до уровня корпусных территорий, командующие которых находились в тесном контакте с соседями и где удобно было иметь под рукой все необходимые списки резервистов и склады обмундирования и оружия. В 1866 году мобилизационные мероприятия были проведены достаточно оперативно, позволив отыграть время, потерянное из-за нерешительности короля Вильгельма I, долго колебавшегося, прежде чем напасть на Австрийскую империю, к которой он питал такую глубокую симпатию. К 1870 году военная машина была усовершенствована. Все армейские соединения, части и подразделения, все боевые единицы ландвера, все службы, отвечавшие за транспорт и связь, располагали заранее заготовленными приказами – оставалось лишь, получив соответствующее распоряжение сверху, проставить дату и приступить к их исполнению.

Были также тщательно изучены ошибки, связанные с организацией железнодорожных перевозок в 1866 году. В той кампании пруссаки совершили множество ошибок, как и французы в 1859 году. Поставки отправлялись без учета наличия разгрузочных средств в пунктах назначения, а разгруженные вагоны, срочно требовавшиеся в другом месте, скапливались, блокируя запасные пути и целые станции. Железнодорожные линии функционировали сами по себе, и командующие фронтовыми формированиями отдавали распоряжения местным железнодорожным служащим без ссылки на Мольтке или на кого-либо еще. Все эти огрехи исчезли с

созданием при Генштабе специального отдела связи и гражданско-военной централизованной комиссии, заранее составлявших планы на случай использования железных дорог в военное время. Детально описанные мероприятия были также децентрализованы до уровня корпусных территорий, но главный инспектор по вопросам связи в полной мере нес ответственность за все поставки, а один из трех главных заместителей фон Мольтке отвечал исключительно за связанные с железнодорожным транспортом вопросы. Даже в 1870 году далеко не все шло гладко. По-прежнему избыток пустых вагонов блокировал линии, и поговаривали даже, что, дескать, лишь захват французских припасов избавил армию вторжения от «условий, граничащих с голодом». Но те воистину ужасные условия, в которых оказались французские войска вследствие некомпетентного управления железнодорожными перевозками, служат неоспоримым доказательством важности усилий, прилагаемых фон Мольтке по созданию специального отдела транспортных перевозок и контролю за его деятельностью, что в конечном итоге позволило добиться пусть даже относительного, но успеха германских войск, своевременно получивших все необходимое для ведения боевых действий.

Наконец, были разработаны планы развертывания войск – всем известный *Aufmarsch*, обусловленный центральным положением Пруссии в Европе, определявшим ее стратегию. Железные дороги значительно облегчили проблему войны с тремя потенциальными противниками, но не решили ее окончательно. Открытым оставался вопрос, против кого из противников бросить главные силы и какие минимальные силы оставить для прикрытия границ. Для разрешения этой наиглавнейшей проблемы было необходимо точно выяснить, какими доступными коммуникациями располагали Франция, Австрия и Россия и сроки их мобилизации и доставки в оперативные районы. Кропотливая работа Генерального штаба выкристаллизовалась в создании планов развертывания, разработанных фон Мольтке в период 1858–1880 годов. Они содержали полученные разведкой достоверные данные о неприятельских ресурсах, о ресурсах потенциальных союзников, необходимые меры для усовершенствования эксплуатации германской железнодорожной сети, усилия по обеспечению самой быстрой в Европе мобилизации. Кроме того, эти планы служили своего рода барометром, чутко реагирующим на все изменения напряженности политической ситуации в Европе, очевидных угрозах Пруссии, из года в год менявшихся. Оценка Мольтке этих угроз неизбежно была подвержена влиянию его собственных политических воззрений. Конфликт с Австрией он рассматривал как необходимую, но прискорбную «кабинетную войну» в старом добром стиле, целью которой было восстановление баланса сил. С Францией он, судя по всему, не считал возможным поддержание постоянного мира, как до, так и после 1870 года, а исходившая от России опасность время от времени казалась еще большей. Следовательно, постоянное составление и переработка планов относительно войны на два фронта и озабоченность безопасностью – все это досталось в наследство его преемникам и в конечном итоге возымело фатальные последствия для мира в Европе.

Пост начальника Генерального штаба в тот период, когда Мольтке занял его, большого значения не имел. Никто с Мольтке не консультировался в период составления и осуществления армейских реформ, как и в начале войны с Данией в 1864 году. Командующим вооруженными силами Пруссии в начале этой кампании был 80-летний фельдмаршал фон Врангель, который уже водил их в бой в неудавшейся кампании 1848 года и чье здравомыслие внушало сомнения. Своим начальником штаба он назначил тоже некомпетентного генерала Фогеля фон Фалькенштейна. Рекомендации Мольтке о том, что датчан необходимо окружить и уничтожить на передовых позициях, не позволив им отойти на недоступные острова, были проигнорированы. Лишь после трехмесячных ни к чему не приведших сражений Фалькенштейн и Врангель были заменены на фон Мольтке и на племянника короля, человека, способного к принятию гибких решений и разбиравшегося в военных вопросах принца Фридриха Карла. После этого операции проводились умело, продуманно, что навсегда обеспечило фон Мольтке благосклон-

ность короля. Но Мольтке предстояло приложить еще массу усилий, чтобы стать единственным и общепризнанным военным советником короля и, таким образом, теньвым главнокомандующим вооруженными силами Пруссии во время войны. Его план кампании против Австрийской империи должен был быть ратифицирован неким военным советом, раскритиковавшим его. Предложенное фон Мольтке распределение сил было изменено по настоянию Бисмарка военным министерством ради обороны Рейнланда, и для поддержки первоначального плана фон Мольтке потребовалось личное вмешательство короля. Даже статус Мольтке как главного военного советника короля не способствовал повышению к нему доверия. «Почти 70-летний король во главе войск, – выразился один офицер, сын великого Бойена, – а рядом с ним этот убогий Мольтке. Ну, и каков будет результат?» Армейские командующие были на грани прямого неповиновения. Фогель фон Фалькенштейн, командуя войсками, наступавшими на Ганновер, презрев наставления Мольтке, впоследствии имел проблемы. Кронпринц, командуя продвинутой дальше остальных на восток одной из трех армий, силами которых

Мольтке запланировал вторгнуться в Чехию, изменил планы ради усиления обороны Силезии и таким образом нарушил практически весь план кампании. Фридрих Карл, продвигавшийся в центре, еле тащился, и в один прекрасный момент даже показалось, что командующий силами Австрийской империи Бенедек, воспользовавшись численным превосходством, вот-вот атакует силы кронпринца и разгромит пруссаков. Решение Мольтке вести армии отдельно друг от друга и объединить их только на поле битвы вызвало резкую критику большинства его коллег. В конце концов, когда австрийцы оказались в сложном положении, когда Фридрих Карл (1-я армия) с кронпринцем Фридрихом Вильгельмом (2-я армия) развернулись против правого фланга австрийцев, а Эльбская армия стала угрожать с тыла их левому, Фридрих Карл, вместо того, чтобы малыми силами сдержать противника, бросил все имеющиеся силы в явно преждевременное наступление, которое, оказавшись оно даже успешным, дало бы возможность австрийцам отойти на безопасное расстояние и не оказаться в клещах ловушки фон Мольтке. Посыльный Мольтке добрался до командующего резервным подразделением генерала фон Манштейна как раз вовремя. И тот произнес знаменитую фразу: «Все, кажется, в порядке. Но кто такой генерал фон Мольтке?» К вечеру австрийская армия была разбита, потеряв 24 000 человек убитыми и ранеными и 13 000 взятыми в плен. Больше подобных вопросов никто не задавал.

Реформа французской армии

Кое-кто из французских военных присматривался к действиям Мольтке. «Можете считать эту армию армией адвокатов и окулистов, – предупреждал генерал Бурбаки в 1866 году, который двумя годами ранее посетил Берлин, – но она доберется до Вены когда пожелает». Но в целом французы не считали равноценными прусскую и австрийскую армии – последняя сражалась с французами в Италии в 1859 году, – и новость о разгроме при Садове была для них громом среди ясного неба. Очевидное объяснение прусской победы, той, которая была воспринята на ура, состояло в том, что сражение было выиграно благодаря прусским игольчатым нарезным ружьям Дрейзе¹¹, и как только французы вооружили свою армию новыми ружьями Шаспо, заряжавшимися с казенной части, они не сомневались, что превосходство вновь будет на их стороне. Но некоторые, поумнее, и к ним принадлежал император Наполеон III, понимали, что корни побед Пруссии лежат глубже: в ее успехах в боевой подготовке армии, организованной по принципу призыва на относительно короткие сроки службы, в способности молниеносно провести мобилизацию резервистов, оперативно перебрасывать войска, в организации бесперебойного войскового подвоза к полям сражений, не допуская при этом хаоса, ставшего повсеместным явлением во французской армии в Италии в 1859 году. Чтобы справиться с таким противником, Франция должна была бы достичь новых стандартов эффективности управления войсками и ей, возможно, даже пришлось бы пересмотреть свой главенствующий принцип: относительно немногочисленная армия призванных на длительные сроки профессионалов, потому что именно на нем вплоть до настоящего времени базировалась ее военная организация.

Когда осенью 1866 года военные власти Франции исследовали ситуацию, они оценили, что потенциальная численность армии Пруссии приблизительно 1200 000 обученных солдат и офицеров. Во Франции же, согласно одной официальной оценке, под ружьем находилось 288 000 человек, часть которых вынуждены были выполнять боевые задачи в Алжире, Мексике и Риме. Необходимо было значительно увеличить численность личного состава, и Наполеон III поставил целью мобилизовать в армию миллион человек. Когда в ноябре 1866 года в Компьене состоялось совещание гражданских и военных руководителей по рассмотрению проблемы и выработке способа ее разрешения, там обозначились две диаметрально противоположные точки зрения. Одна сторона, к которой принадлежал и сам император, выступала за прусскую модель армии. Против этого возражали и военные, и гражданские. Военный министр маршал Рандон возглавил оппозицию военных и выразил глубокое профессиональное недоверие резервистам. «Основу военной организации, – аргументировал он, – составляет армия, профессиональная армия», и если в данный момент было невозможно резко увеличить ее численность, оставалось одно – продлить срок службы, в случае необходимости до девяти лет. В то же время предложение Наполеона III подверглось критике со стороны штатских. Призыв на обязательную военную службу противоречит конституции, и только *Corps Législatif* (позднее – палата представителей) вправе определять численность регулярной армии. Министры указали на урон, который неизбежно будет нанесен сельскому хозяйству универсальным налогом. Отчеты префектов доказывали, что любое увеличение поборов на содержание армии вызовет резкое недовольство электората, от которого все больше и больше зависела самолиберализующаяся империя.

С политической точки зрения все верно – вряд ли император мог выбрать более неподходящий момент для реформ. Либеральные учреждения, которыми Наполеон III разбавлял свою

¹¹ Ружье Дрейзе перезаряжалось пехотинцем и в положении лежа, тогда как австрийское нарезное ружье Лоренца заряжалось с дула только в положении стоя. – *Ред.*

авторитарную империю, достаточно укрепились и не могли просто игнорировать общественное мнение, но память о его притеснениях еще была слишком свежа для оппозиции, чтобы согласиться с ним и предлагаемыми им мерами по укреплению вооруженных сил, с помощью которых он осуществил в декабре 1851 года государственный переворот (и в декабре 1852 года провозглашен императором), и которые продолжал использовать как инструмент правления. Более того, фиаско в Мексике тоже не выветрилось из памяти общественности – где гарантия, что и армия нового типа не окажется вовлеченной в новые аналогичные авантюры? Вокруг ядра протестующих группировались те, чьи коммерческие, экономические, аграрные да и просто гедонистические интересы оказались бы неизбежно задеты увеличением военных расходов, в то время как эти силы в течение пяти лет боролись за их сокращение.

Для процветающей и просвещенной буржуазии середины XIX века во Франции война представлялась немислимой. Превалировали обвинения в ее адрес, все чаще и чаще раздавались голоса за полный отказ от военных действий, как способа решения политических проблем. Международная лига мира¹², среди членом которой были наиболее уважаемые представители общественности Франции, проводила ежегодные конференции протеста против бремени гонки вооружений и за растущее содружество наций. Наполеон столкнулся с оппозиционными настроениями, с теми же, с которыми пришлось столкнуться и королю Вильгельму I в Пруссии шестью годами ранее и справиться с которыми он сумел лишь при помощи жесткой позиции Бисмарка. Десятью годами ранее Наполеон III, возможно, действовал бы так же, но теперь было уже слишком поздно. Сам император был пожилым и больным человеком; герцог де Морни, единственный, кто, возможно, и мог его поддержать, уже умер, да и сам Наполеон III зашел слишком далеко по пути конституционной системы правления, чтобы попятиться. Французским военным приходилось действовать в узких рамках политически возможного – народ считал каждый потраченный на армию су, не доверял правителям и не проявлял единства внутри себя.

Конференция в Компьене зашла в тупик, но выход подсказывал один из ее участников, маршал Ниель, не отделявший военные проблемы от политических и чье умение вести аргументированные дебаты обеспечило ему репутацию одного из немногих, кто был способен осуществить военную реорганизацию в необходимых масштабах. Решение, предложенное Ниелем, состояло в том, чтобы возродить национальную гвардию, которая выполняла бы те же задачи, что и ландвер в Пруссии. Традиции национальной гвардии были несколько другими. Основанная как буржуазный инструмент в целях поддержания порядка в начале Французской революции, а позднее вошедшая в состав революционной армии, она реформировалась и Наполеоном I, и Людовиком XVIII, и Луи Филиппом, но всегда ее роль сводилась к обеспечению порядка и защиты собственности внутри страны, то есть борьба с «внутренним врагом». Членство в ней ограничивалось имущими классами до 1848 года, когда это ограничение было отменено, и части из Фобур-Сент-Антуана в июньские дни ожесточенно сражались против правительственных войск. Для диктатуры Луи Наполеона (который после переворота стал Наполеоном III) национальная гвардия была постоянным источником проблем и как инструмент средних классов, но больше всего как нация с оружием в руках; и вскоре после совершенного им в 1851 году государственного переворота он решил вообще распустить ее.

¹² Ligue Internationale de la Paix. Была основана в 1867 г. В целом, в 60-е гг. XIX столетия деятельность пацифистов достигла невиданной до сих пор активности. В 1864 г. Великобритания подала заявление в арбитраж по вопросу об инциденте в Алабаме. В 1864 г. М. Дюран созвал в Женеве конференцию, результатом которой стала Женевская конвенция о нейтралитете медицинских служб. В 1867 г. на следующей конференции были вскрыты все уязвимые места упомянутой конвенции, обнаружившиеся в ходе австро-прусской войны, и были добавлены новые статьи. Однако гуманитарные тенденции так и не возобладали над шовинистическими: Пьер де ла Горе произнес свою прозорливую фразу: «La plus grande marque de chauvinisme était de croire qu'il suffisait que la France ne voult point la guerre pour que la paix fut assuree» – «Величайшим признаком шовинизма было убеждение, что этого достаточно, чтобы Франция не желала никакой войны ради обеспечения мира». – *Авт.*

И, следовательно, национальная гвардия не могла являться аналогом ландвера, однако Ниель все же предложил задействовать ее в тех же целях. Согласно его замыслу, принцип ежегодного призыва небольшого по численности контингента сохранялся, и призывники должны были служить в течение шести лет в составе регулярных войск, но все остальные лица призывного возраста, и те, кто избежал призыва, и те, кто легально от него освободился, должны были отслужить и пройти соответствующую подготовку в составе мобильной гвардии (*Garde Mobile*). Это же касалось и отслуживших. С этой идеей выступил сам Наполеон III и в качестве пробного шара официально довел ее до сведения в «Универсальном вестнике» 12 декабря 1866 года. Такая организация, считал он, создаст армию численностью в 824 000 солдат в случае мобилизации, а мобильная гвардия обеспечит еще 400 000 человек. Таким образом, обретал реальные очертания его план выставить миллионную армию. Жак Луи Рандон скептически отнесся к этому плану. «Это лишь даст нам новобранцев, – считал он. – А нам нужны солдаты». С возражениями Рандона можно было согласиться, но император отстранил его от должности, и в январе 1867 года на пост военного министра был назначен Ниель. Но план этот показался слишком радикальным и трусливым бюрократам из Государственного совета (*Conseil d'État*), и проект, представленный в конечном счете в Законодательный корпус (*Corps Legislatif*), являл собой весьма урезанную версию первоначального проекта Наполеона. Потенциальная численность армии увеличивалась за счет уменьшения срока службы в кадровой армии до пяти лет. Армейский запас создавался по прусскому образцу частично из призывников, обязанных отслужить там четыре года после 5 лет службы в регулярных войсках, и частично из «второй части» контингента, проходившего лишь начальную военную подготовку. А мобильная гвардия должна была рекрутироваться из мужчин призывного возраста, обеспечивших себе освобождение от службы за деньги, и контингента «второй части» после их четырех лет службы в резерве.

Проект без особого энтузиазма был принят Законодательным корпусом. Традиционалисты были недовольны ослаблением принципа профессиональной армии. «Вместо того чтобы потратить 30 миллионов в год на мобильную гвардию, – как предлагал Тьер, – деньги идут на регулярную армию». Сторонники правительства, предполагавшие, насколько непопулярным будет этот вариант среди населения, тоже восприняли его без особого восторга. Надо признать, что принцип замены был сохранен, но предложение превратить мобильную гвардию в эффективный обученный резерв влекло за собой элемент принуждения, против которого ни деньги буржуа, ни «счастливый номер» крестьянина не принес бы пользы. Отчеты полиции и префектур сообщали о повсеместной оппозиции этому замыслу: «Мы должны проголосовать за этот закон, поскольку императору так захотелось, – ворчал один депутат, – но мы делаем так, что он не будет работать». Что касается республиканской оппозиции, те потребовали вообще упразднить регулярную армию, как источник огромных и непродуктивных расходов, и передать функцию обороны страны ополчению на швейцарский манер – то есть рекрутированному из всех, кто способен носить оружие. Дебаты продолжались до конца года, и сражения в прусском ландтаге по вопросу о предложениях фон Роона повторились и во Франции. Ниель выступил против обязательного призыва на двухлетнюю службу на том же основании, как и Вильгельм I в Пруссии: дескать, двух лет слишком мало, чтобы превратить призывника в настоящего солдата. Либералы убеждали всех, что армия профессионалов хуже «народа с оружием в руках». Что касается предложений относительно мобильной гвардии, они видели в ней просто план милитаризации Франции. «Вы хотите превратить Францию в казарму?» – выкрикнул Жюль Фавр во время речи военного министра войны. «Что касается вас, – ответил возмущенный Ниель, – лучше заботьтесь о том, чтобы благодаря вам она не стала кладбищем!»

Закон, в конце концов, был передан в Законодательный корпус в январе 1868 года, а 1 февраля большинством голосов (199 за и 60 против) вступил в силу. Что касалось армии, Ниель получил максимум того, к чему стремился: срок службы пять лет в кадровой армии и

четыре года в запасе. Ежегодный контингент был все еще разделен на две части, из которых вторая часть служила лишь пять месяцев. Учитывая ежегодный контингент в 172 000 человек (включая предусмотренные потери), согласно подсчетам Мольтке, планировалось к 1875 году в случае мобилизации поставить под ружье 800 000 человек. Мобильная гвардия обеспечила бы еще 500 000 человек, доведя общую численность до более 1 000 000, как и планировал Наполеон. Но первоначальные предложения Ниеля относительно мобильной гвардии были основательно урезаны. Она должна была состоять, как было запланировано, из мужчин призывного возраста, которые избежали призыва, и прослужить в ней пять лет, но ежегодный срок подготовки был уменьшен с трех недель, как предлагал Ниель, до двух недель, а те, кто продемонстрировал соответствующие военные знания и навыки, могли быть вообще освобождены даже от двухнедельной подготовки. Кроме того, ради избежания возможной милитаризации французской молодежи двухнедельная военная подготовка должна была осуществляться не более одного дня за один раз и не дольше 12 часов в день и при условиях, позволявших возвращаться домой в тот же самый вечер. Ни одну ночь гражданское лицо не должно было подвергаться тлетворному влиянию казармы. Даже Законодательный корпус не считал подобные условия приемлемыми для эффективной военной подготовки, как заявил его докладчик, «но надо надеяться, независимо от продолжительности современной войны, на необходимое время для набора резервистов из запаса, формирования из них воинских частей и подразделений, сосредоточения и отправки в районы боевых действий. Это представляется нам более чем достаточным при подготовке национальной мобильной гвардии».

Ниель решил согласиться с этими предложениями, так сказать, за неимением лучшего. Как водится, отсутствовали фонды даже для проведения первичных мероприятий, без которых о становлении мобильной гвардии и думать было нечего. А деньги можно было получить, лишь сократив соответствующие расходы на регулярную армию. Немногие военные тоже, как и Ниель, надеялись на учреждение мобильной гвардии, а генерал Лебёф, сменивший Ниеля на посту военного министра после его внезапной кончины в 1869 году, не скрывал неприятия мер по созданию мобильной гвардии. Политические соображения также задержали внедрение плана Ниеля. Императорские офицеры сомневались относительно целесообразности вооружать тех, кого ораторы-республиканцы и писатели постоянно подстрекали против правительства. Первый «день приема» ознаменовался разгоном демонстраций. Офицеры мобильной гвардии были назначены префектами, так что их проимперские настроения гарантировались, хотя нередко за счет их способностей как военных, а сержантский состав отбирался в армии. И единственные полки, которые были полностью укомплектованы, то есть полки из департамента Сена, показали столь революционный и непокорный характер, что правительство отказалось начать организацию мобильной гвардии. «Организовать мобильную гвардию, – утверждали многие высокопоставленные офицеры, – означает подготовить армию к антиправительственным выступлениям».

И с началом войны в июле 1870 года 500 000 бойцов мобильной гвардии, на которую так рассчитывал Ниель, как помощь регулярной армии, оставались неорганизованными, необмундированными, невооруженными и неподготовленными.

Улучшений добивались в других направлениях. Введение заряжавшейся с казенной части винтовки (игольчатого нарезного ружья Шаспо) натолкнулось на бюрократические препоны. Пехота слишком быстро расходовала боеприпасы – было необходимо продолжить испытания этого оружия. Одна модель могла быть запросто заменена другой, более усовершенствованной. И потом, в любой войне победа достигается, как говорили, не за счет более совершенных видов оружия, а при наличии боевого духа личного состава. Все эти аргументы Рандона и его подчиненных были доведены до сведения военного министерства. Но доказательства в виде битвы при Садове были слишком неоспоримы. Было известно, что А. Шаспо 10 лет работал над созданием заряжающейся с казенной части винтовки без официальной санк-

ции, и его изобретение рассматривалось с 1863 года. В 1866 году сам Наполеон отверг возражения Рандона и приказал, чтобы винтовка была пущена в производство. Это было великолепное оружие. Основным недостатком прусской винтовки была недостаточно герметичная казенная часть. Шаспо решил эту проблему, введя резиновое кольцо, уменьшил вес винтовки и повысил безопасность ведения огня из нее. Создав винтовку меньшего калибра (11,43 миллиметра против 15,43 миллиметра у игольчатого ружья Дрейзе), изобретатель существенно увеличил скорострельность и дальность стрельбы. Игольчатое прусское ружье Дрейзе имело дальность стрельбы лишь до 600 метров, винтовка Шаспо – до 1500 метров. Ниель ускорил ее производство, и миллион стволов успели изготовить уже к внезапному началу войны в 1870 году. Этого вполне хватило для перевооружения всей французской армии. И боевой дух, и боевой опыт, и традиции – все во французской армии было на более высоком уровне, чем в прусской. А теперь к перечисленным достоинствам прибавилось и более совершенное оружие. И французы могли с полным основанием оптимистично смотреть в будущее.

Другой вопрос – артиллерия. Прусские орудия, заряжавшиеся с казенной части, как известно, были достаточно эффективны, но вследствие сложностей тактического применения они сыграли лишь незначительную роль в достижении победы над Австрией. Скорее австрийская артиллерия, отличавшаяся меткостью огня, нанесла большой урон 1-й армии Фридриха Карла в начале сражения при Садове¹³. Французская армия благодаря опыту и предпочтениям Наполеона III по части артиллерии была вооружена в 1858 году дульнозарядными нарезными бронзовыми орудиями Лагитта, хорошо зарекомендовавшими себя в Италии, и перевооружение французской артиллерии было весьма дорогостоящей затеей. Правительство потратило 113 миллионов франков на винтовки Шаспо. 13 миллионов, которые оно запросило для артиллерии, получены не были по причине отказа, а одобренных 2 миллионов просто не хватало на радикальные реформы. Да и сама армия не видела в этом необходимости. Когда в 1867 году французские офицеры явились с визитом в бельгийскую армию, они почтили присутствием испытания новых видов орудий Круппа, заряжавшихся с казенной части, и направили в военное министерство пугающие отчеты о превосходстве бельгийцев по меткости упомянутых орудий, однако Франция так и не приняла никаких необходимых мер. На следующий год сам Фридрих Крупп почтительно доложил о превосходстве своего оружия французскому правительству, но Лебёф усомнился в надежности артиллерийских орудий, изготовленных из стали. Брошюру Круппа и его отчеты положили под сукно с резолюцией *Rien a faire* («Тут ничего не поделаешь, с этим нужно мириться»). Даже император Наполеон III, с его особым вниманием к военным вопросам и неослабевающим интересом к артиллерии, не видел необходимости в быстром перевооружении артиллерии. Он получил винтовки Шаспо. Он имел и митральезы (картечницы), предшественницы пулеметов. С ними он экспериментировал с 1860 года, производство митральез началось в условиях повышенной секретности в 1866 году. Внешне они напоминали фасции римских ликторов: собранные в связку 25 стволов, по очереди выпускавших заряд. Устройство приводилось в действие поворотами рукоятки. Дальность – около 1500 метров и скорострельность – 150 выстрелов в минуту. Как и винтовка Шаспо, это было превосходное и соответствовавшее времени оружие, но оно было окружено такой секретностью, которая зачастую делала невозможным овладение им¹⁴. Митральезы использовались при дальнобойной стрельбе, располагались побатарейно. Меткостью они не отличались, зато пожирала боеприпасы. Немцы оценивали их довольно высоко (поскольку несли от их огня большие потери), но их качество не соответствовало ожиданиям Наполеона III.

¹³ Эта армия, 84 000 человек, с 8 до 11 часов утра противостояла всей австрийской армии (215 000), имевшей все шансы ее разбить до подхода Эльбской армии, и с 13–14 часов 2-й армии. – *Ред.*

¹⁴ В одной из дивизий в канун боя при Фрешвиллере сумели отыскать лишь одного сержанта, умевшего обслуживать митральезу. *Guerre II 27. – Авт.*

Реформы в областях пополнения и вооружения, как бы мудро они ни были задуманы и как быстро ни осуществлялись, в любом случае заняли бы не один год, прежде чем были достигнуты весомые результаты. Существовали и другие, более быстрые пути усовершенствования военного механизма. Состояние воинской дисциплины, уровень боевой подготовки, организационная структура, использование железных дорог, методы проведения мобилизации войск и их сосредоточения – все это никак не соответствовало прусским стандартам. Эти пункты были поставлены в центр внимания новой комиссии, учрежденной в конце 1866 года после зашедшей в тупик Компьенской конференции. Отчет этой комиссии был представлен императору в феврале 1867 года в виде секретного документа, но его содержание было передано в анонимной публикации одного из членов комиссии, генерала Трошю.

Документ этот носил название *L'Armée française en 1867*, он был переиздан 16 раз за три недели и вызвал не только сильное раздражение в армии, но и всерьез заинтересовал общественность. Трошю был способным и амбициозным бретонцем с прекрасным послужным списком в Африке, Крыму и Италии, офицером, выдающиеся способности которого выделяли Трошю из среды его куда более приземленно мыслящих коллег. Его публикация была вдвойне одиозна, и как пример злоупотребления доверием, и как атака на все мифы и традиции, составлявшие основу самовосхваления французской армии: армию эпохи Наполеона III и военное превосходство французов над всеми остальными нациями, не критичную убежденность в способности преодолеть все недостатки боевой подготовки, управления и обучения. Трошю соглашался с убежденностью консерваторов в том, что реформа армии должна осуществляться не путем увеличения ее численности, а «исправления определенных ошибок и совершенствования военных методов». Подобный подход вызвал резкое недовольство у его коллег. «Человек, разрушающий легенду, разрушает веру, – объявил один из них и отнюдь не самый глупый, – а тот, кто разрушает веру, разрушает силу, являющуюся залогом любой победы». То, что публикация Трошю снискала ему популярность среди оппозиционеров, лишь изолировало его в армии, и даже его потенциальные сторонники отшатнулись от него, узнав, что генерал, даже по нормам тех дней, когда во Франции процветала болтология, был слишком уж велеречив. Его несомненные способности так и остались незамеченными, а с началом войны Трошю был назначен на должность, которую любой мало-мальски уважающий себя военный счел бы личным оскорблением, – в «армию наблюдения», состоявшую в основном из мобильной гвардии в Пиренеях.

Наполеон не нуждался в заверениях Трошю о настоятельной необходимости реформирования войск. Он настаивал на создании Генерального штаба на прусский манер. Полковник Штоффель, находившийся в Берлине, напрямую заявил о существенной роли, которую прусский Генеральный штаб сыграл в недавних победах, и сам Наполеон III не тешил себя никакими иллюзиями по этому поводу. Но что было ясно ему и полковнику Штоффелю, пока что не стало всеобщим достоянием, и консерватизм военных цеплялся за *Corps D'État-Major* — главный корпус. Даже такая чисто паллиативная мера попытки устранения изолированности штаба, отправляя полковых офицеров на курсы штабистов, вызвала такую неприязнь, что было решено от нее отказаться. Таким образом, эффективность прусской мобилизации, еще один несомненный успех Мольтке, была также недооценена. Предостережения Наполеона III о том, что Пруссия могла бы бросить против Франции 500 000 солдат за всего лишь неделю и что единственный способ противостоять этой угрозе состоял в том, чтобы противопоставить этому созданную во Франции в мирное время сопоставимую организацию, так и остались незамеченными. К 1869 году полученные разведкой данные о силе пруссаков произвели соответствующее впечатление даже на Ниеля, и он уже не мог больше делать вид, что не замечает их, однако было уже слишком поздно. Ниель, как и сам Наполеон III, мучительно страдал мочекаменной болезнью и в августе месяце внезапно умер.

Но не следует придавать такое большое значение безвременной смерти Ниеля. Наполеон III отыскал в лице генерала Лебёфа деятельного и компетентного преемника, который пусть даже и не обладал политической хваткой, как Ниель, зато отличался энергичностью и, вероятно, снискал даже большую популярность у Законодательного корпуса. Часть проектов Ниеля Лебёф отбросил за ненадобностью – это касалось не только мобильной гвардии, но и даже еще более серьезной Центральной комиссии по железнодорожной переброске вооруженных сил, учрежденной Ниелем в марте 1869 года, которая до ее упразднения все же успела провести кое-какую полезную предварительную работу. Но он считал проблемы мобилизации и обороны границ безотлагательными и, невзирая на всю неразбериху, отличавшую его пребывание в должности, сумел решить часть вопросов. Законодательный корпус в период 1868–1870 годов постоянно урезал военные расходы, уменьшая ассигнования на постройку фортификационных сооружений и производство вооружения и увеличивая квоту увольнений из армии и либеральное министерство, которое пришло к власти при Эмиле Оливье в январе 1870 года, было настолько оптимистично настроено относительно возможности всеобщего разоружения в Европе, что 30 июня предложило сократить ежегодный контингент до 10 000 солдат и офицеров. Дебаты по этим предложениям вновь пошли по уже знакомому пути. Бремя военных расходов было непосильным для страны. Французская армия, мол, и так постоянно провоцирует своих миролюбивых соседей. А вооружения, дескать, не способны предотвратить войну, а, напротив, способствуют тому, чтобы развязать ее. Лебёф легко опровергал эти доводы одной лишь ссылкой на угрозу из-за Рейна, и Наполеон разделял его точку зрения. Он даже направил депутатам письмо и подготовил брошюру под названием *Une mauvaise Economie*, в которой сравнил военную мощь Франции и Германии и которая предсказала будущую войну. Даже Тьер, старый противник режима, и тот пустил в ход всю отпущенную ему власть. «Чтобы рассуждать о разоружении при нынешнем положении в Европе, нужно быть глупцом, причем неосведомленным глупцом», – объявил он. Но ему было суждено проиграть сражение. Лебёф был вынужден уменьшить военный бюджет на 13 миллионов франков.

И все же к июлю 1870 года у Лебёфа были основания для удовлетворенности достигнутыми успехами минувших четырех лет. Численность войск резерва, по его подсчетам, составила 492 585 солдат и офицеров, из которых он рассчитывал мобилизовать 300 000 человек за три недели. Численность мобильной гвардии составляла (на бумаге) 417 366 человек, из которых 120 000 могли быть призваны на службу немедленно. Положение со снабжением было также вполне удовлетворительным: обмундирование, провиант, боеприпасы, нарезные игольчатые ружья (винтовки) Шаспо имелись в разумном и необходимом количестве (на 1 июля 1870 года – 1 037 555, тройной комплект для действующей армии), а военное министерство разработало новую схему мобилизации. Цветистые и гибельные заверения министерства Лебёфа о том, что французская армия вполне боеготова, на самом деле не были безосновательными. В сравнении с прошлыми кампаниями французская армия была боеготовой, как писал позднее Трошю, «так же, как она была готова к Крымской войне, к войне в Италии, к войне в Мексике, ко всем войнам и кампаниям того времени, то есть готовой успешно, а иногда и блестяще сражаться против армий, по численности и выучке не превосходивших ее саму». Трагедией французской армии и самой Франции было то, что французы так и не поняли, что военная организация вступила в совершенно новую эпоху.

Глава 2

Внезапное начало войны

Военные планы

Поиск «ответственных» за войну 1870 года давно не тема для исторических исследований. Нет никаких сомнений в том, что именно Франция выступила в роли агрессора, как и в том, что Бисмарк с готовностью на эту агрессию ответил. Однако объяснение, суть которого заключается в том, что конфликт этот был запланирован самим Бисмарком как необходимый кульминационный момент давным-давно назревшего замысла объединения Германии – объяснение, которому хвастовство Бисмарка на закате жизни обеспечило широчайшую популярность, – ныне уже не воспринимается как бесспорное. Истина куда сложнее. Войну между Францией и Пруссией не предрекал лишь ленивый, когда после поражения Австрии в 1866 году был сформирован Северогерманский союз. Изменения в европейском равновесии сил в результате этого могли стать приемлемыми для Франции лишь в том случае, если ее собственное положение гарантировалось компенсациями в виде регионов левобережья Рейна и Бельгии, что немедленно потребовал Наполеон и от чего Бисмарк наотрез отказался. После 1866 года французы поддались самому опасному из всех капризов – приписали себе роль великой державы, которую явно старались превратить во второразрядную. Во всех прослойках французского общества войну с Пруссией считали неизбежной. Не требовалось большой проницательности, чтобы понять, что основывавшаяся на престиже страны французская внешняя политика была несовместима с набирающим силу германским национализмом, к которому Бисмарк так искусно приспособил монархию Гогенцоллернов. И чем на большие уступки во внутренней политике шел Наполеон III под влиянием роста либеральных настроений в обществе, тем больше ярились на него империалисты, возглавляемые столь влиятельной императрицей, желавшие более решительной позиции касательно компенсаций за рубежами империи. Бисмарк мог полностью надеяться на то, чтобы спровоцировать французов, чья военная машина набирала обороты, на выступление против Пруссии, а он в этом случае мог как принять брошенную перчатку, так и не заметить ее. Выбор был за ним.

В Германии война с Францией также воспринималась как рано или поздно неизбежная, и большинство немцев считали ее справедливой, в отличие от войны с Австрией. Прусские консерваторы так и не избавились от травмы 1806 года под Йеной и Ауэрштедтом и своего унижения: австрийцы и британцы вмешались в 1814–1815 годах, лишив их возможности совершить акт справедливого отмщения. Для либералов Национального союза Франция, с ее неудовлетворенными аппетитами в отношении левобережья Рейна и провинции Эльзас, которую Людовик XIV выхватил из старой империи, была и оставалась заклятым врагом германского единства. Хотя для немцев в целом – как на самом деле и для британцев того времени – Франция, если принимать во внимание ее недавние агрессии и бесконечные революции, являлась нарушителем европейского мира. Привести ее в состояние бессилия и в то же время вернуть себе Эльзас означало бы удовлетворить требования и практической политики, и националистического идеала.

Никто не придерживался этого взгляда с большим убеждением, чем сам Мольтке. Для него Франция являла собой извечного противника, и так было начиная с кризиса Рейнской области в 1831 году. Безопасность Пруссии, по его мнению, никогда не могла бы быть гарантирована, пока существовала Франция, способная поставить ее под угрозу. Война 1859 года в Италии представлялась ему просто уведомлением о грядущей агрессии. «Франция, – писал

он тогда, – до сих пор боролась за других; теперь же она намерена бороться и завоевывать для себя». В 1866 году, сразу же по завершении войны в Австрии, он стал убеждать Бисмарка в желательности – и полной осуществимости – агрессии против Франции, причем немедленно, пока силы пруссаков не были еще демобилизованы. Год спустя, на переговорах о будущем Люксембурга, он снова убеждал в необходимости войны. Герцогство Люксембург было членом старой германской конфедерации, управляемой теперь королем Нидерландов в статусе великого герцога. Наполеон III видел в этом кусочке старой Германии весьма разумную компенсацию ради повышения престижа Франции, и Бисмарк, поскольку король Нидерландов выразил свое желание не видеть герцогство частью нового Северогерманского союза, был готов по крайней мере провести переговоры по этому вопросу. Но сам город Люксембург представлял собой крепость с правительством и с прусским гарнизоном. И Мольтке пришлось бы отвечать на вопрос: был ли его отказ совместим с военной безопасностью Северогерманского союза? Мольтке энергично протестовал. Переговоры стали достоянием общественности, и депутаты рейхстага (германского парламента с 1867 года в Северогерманском союзе) и националистические органы печати вознегодовали. Это, заявил Мольтке, блестящая возможность. Война с Францией была неизбежна в течение пяти лет, и все это время военное превосходство над Францией постоянно уменьшалось. «Представившаяся возможность хороша, – доказывал он, – она носит националистический характер, и мы должны использовать ее в наших интересах». Бисмарк олицетворял взгляд государственного лица, и все завершилось мирно – пруссаки отозвали гарнизон из крепости и нейтрализовали Великое герцогство, взяв его под свою защиту. Мольтке не мог отрицать политическое здравомыслие решения Бисмарка, как и приоритет политических соображений над военными, но сетовал, что «он будет стоять нам многих жизней в свое время».

Именно будучи убежденным в неизбежности войны с французами, Мольтке при вступлении в должность в 1857 году приступил к составлению планов относительно наступления в западном направлении. На протяжении многих лет политика была чисто оборонительной. В 1858 году наиболее вероятной возможностью было вторжение в Германию агрессивной наполеоновской Франции, и принятие соответствующих мер Мольтке рассматривал, как и прусские консерваторы начиная с 1815 года, в виде вступления в тесный союз с Австрией. Но в отличие от других прусских консерваторов Мольтке понимал, что руководство этого союза должно быть прусским. Только Пруссия, сосредоточив значительную часть сил на Майне, получила бы возможность оказывать прямую поддержку подвергшимся агрессии государствам Южной Германии. Мольтке с удовлетворением заключил: «Сложный и в той же мере важный вопрос о верховном главнокомандующем решится сам собой». Но левый берег Рейна предстояло оставить. Пруссии потребовалось бы 33 дня для мобилизации сил, способных отразить нападение французов, и около семи недель для достижения соответствующего равновесия сил. Поэтому единственная надежда оставаться в обороне за Рейном и Майном – на позициях, удобно расположенных как раз на фланге французского наступления как на Рейнланд, так и на Южную Германию. Но такая защита и тактически и стратегически не могла быть решающей без наступления. Но как такое наступление провести?

К 1861 году, когда реформы Роона затронули кадры, Мольтке получил возможность рассмотреть этот аспект войны с Францией и заняться планированием сосредоточения сил за Рейном. На случай нападения французов через Рейнланд-Пфальц Пруссия смогла бы начать с охвата их сил с фланга и перехода в наступление севернее или южнее. Маршрут через Бельгию был маловероятен. Предстояло миновать цепочку крепостей Северной Франции и при этом ничего ценного не захватить ни для собственного использования, ни в качестве козыря при ведении мирных переговоров. Наступление южнее открывало бы лучшие возможности. «Если бывшие германские области Эльзас и Лотарингия будут захвачены, – размышлял он, – возможно, мы сможем удержать их» как минимум для того, чтобы было с чем выторговывать

условия мира на переговорах. Из контекста ясно, что перечисленные схемы вторжения были не более чем весьма смутными домыслами в плане, который почти целиком ориентировался на оборону германской территории, но тем не менее они указывали направление, в котором мыслит Мольтке, – по мере увеличения численности вооруженных сил его уверенность крепла.

События 1866 года внесли коррективы в планы Мольтке. Доказанная эффективность прусских войск и увеличение их численности за счет дополнительных контингентов Северогерманского союза позволили ему отказаться от идеи пассивного выжидания агрессии французов из-за Рейна. Все теперь зависело от скорости, с которой могли быть сооружены железные дороги, с тем, чтобы ввести в игру превосходящие по численности войска Северогерманского союза. С сооружением еще четырех железнодорожных линий, как он заявил Роону, время, необходимое для сосредоточения 13 корпусов Северогерманского союза, могло быть уменьшено с шести недель до четырех. Между тем он осенью 1867 года учел, что сможет сосредоточить группировку в 250 000 человек за 25 дней, даже при том условии, что 65 000 человек будут оставаться для осуществления прикрытия австрийской границы. Следующей весной Мольтке всерьез занялся разработкой планов вторжения во Францию. Рассчитывая на поддержку государств Южной Германии, он имел бы в распоряжении 360 000 человек уже по истечении трех недель и 430 000 – по истечении четырех недель. С такими силами стратегия значительно упрощалась: массированный удар четырьмя армиями через границу Рейнланд-Пфальца между Рейном и Мозелем в направлении Нанси и Понт-а-Мусона, сметающий на своем пути силы французов. Даже если бы на помощь французам пришла Австрия, то ей потребовалось бы не менее восьми недель на проведение мобилизации и к тому же 110 000 немцев вполне могли бы сдержать ее войска. 385 000 человек вполне хватало для ведения боевых действий против французов, которые, по расчетам Мольтке, вряд ли смогли выставить больше 343 000 человек. Сколько бы французы ни бросили в бой на бельгийском или же южнонемецком участках, их силы были бы неизбежно отброшены германскими армиями вторжения. Кроме того, из-за расположения французских железнодорожных линий им в качестве баз оставались бы лишь Мец и Страсбург, но в результате наступления германских войск упомянутые населенные пункты неизбежно оказывались отрезанными друг от друга. Французская армия потерпела бы поражение, династия пала бы, и, «поскольку мы ничего не желаем от Франции, – заключил Мольтке, – это позволило бы нам, скорее всего, без промедления заключить мир с новым правительством». Очевидно, даже на том этапе у Мольтке не было никаких обоснованных расчетов относительно Эльзаса и Лотарингии.

Зимой 1868/69 года Генеральный штаб довел планы до завершения. Шесть железнодорожных линий были теперь доступны для переброски сил Северогерманского союза в Рейнланд – общее количество 300 000 человек, за три недели. Если бы Австрия не предприняла никаких действий, а государства Южной Германии выполнили бы свои договорные обязательства, общее количество достигло бы 484 000 человек. Максимальная численность французской армии с учетом всех ее резервистов достигала численности в 343 000 человек, но, что более вероятно, в действительности она смогла бы выставить против немцев лишь 250 000 человек. Возможно, французы решились бы на быстрое контрнаступление против наступающих германских сил в целях дезорганизации противника и нарушения графика его мобилизации, выставив силы численностью мирного времени – 150 000 человек. В этом случае германские войска, выйдя из железнодорожных составов на правом берегу Рейна, встретили бы наступающих французов превосходящими силами. Если бы этого не произошло, германская армия сосредоточилась бы в Рейнланд-Пфальце – 1-я армия в районе Витлиха, 2-я – в районе Хомбурга, 3-я, включая южногерманские контингенты, – в районе Ландау, 4-я армия оставалась бы в резерве¹⁵. Железнодорожные расписания были составлены таким образом, что каждая

¹⁵ В 1870 г. 4-я армия слилась со 2-й. – *Авт.*

часть в точности знала день и час, когда надлежало покинуть казармы для переброски в районы сосредоточения. Мобилизация и развертывание следовали друг за другом в рамках единого, тщательно выверенного плана. К июлю 1870 года Мольтке понимал, что в его распоряжении одна из самых мощных военных машин, когда-либо известных миру, и сгорал от нетерпения запустить ее в действие.

Французский народ и армия в целом не спешили дать оценку всем последствиям угрозы, которую означали для них приготовления Мольтке, но один или два голоса попытались предостеречь нацию. Одним из них был барон Штоффель, французский военный атташе в Берлине, отчеты которого отличались детальностью, проницательностью, и атташе неустанно напоминал об их срочности. Другой принадлежал командующему 6-м военным округом в Страсбурге генералу Дюкро, который оттуда и во время частых визитов в Южную Германию имел возможность проследить за развитием событий в Германии почти так же детально, как атташе Штоффель. Дюкро преувеличивал мощь и степень агрессивности намерений немцев, как и Мольтке – французов. Осенью 1866 года Дюкро представил предупреждение о неизбежности вторжения армий численностью до 600 000 человек и в августе 1868 года, уже с большей степенью вероятности, предсказал намерения Пруссии вторгнуться во Францию силами численностью в 160 000 человек по прошествии 48 часов и 500 000 человек по прошествии 11 дней. Он, как и Мольтке, считал главным нанесение внезапного удара. Быстрое наступление застало бы пруссаков врасплох, переманило бы к Франции всех колеблющихся из Южной Германии и сделало бы возможным соединение с силами Австрии. Французы, как неоднократно убеждал Дюкро, должны форсировать Рейн, захватить Гейдельберг (Хайдельберг), продолжить наступление до соединения в Вюрцбурге с силами австрийцев, и затем, с дружественной Южной Германией в тылу, наступать на Берлин. Одновременно с этим морские силы по Везеру дойдут до Ганновера. В сочувствии немцев Рейнланда и Южной Германии к французам Дюкро не сомневался. Великий герцог Гессенский уверял его, что даже «малейший [французов] успех убедит все государства Южной Германии присоединиться к вам». Но необходимо действовать очень быстро. А не то весь юг Германии в течение нескольких лет будет безвозвратно объединен с прусской военной организацией и будет слишком поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.